21.141.

Библіотека Тульскаго Комитета Имп. Ф

Г. А. Евреиновъ.

24198

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОЙ ПОСТАНОВКѢ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.
1904.

2141

2141

Крестьянскій вопросъ

въ его современной постановкѣ.

39

БИБЛИОТЕКА

2/141

Г. А. Евреиновъ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОЙ ПОСТАНОВКѢ.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.
1904.

39

Библиотека НКФ СССР

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 іюня 1904 года.

83553

Содержаніе.

	стр.
Предисловіе ко 2-му изданію	7
Предисловіе къ 1-му изданію	9
I. Бѣдность русскаго народа, ея предѣлы и значеніе . .	11
II. Крестьяне въ сословномъ строѣ Россіи—прежде и теперь	51
III. Временный характеръ ограниченій полноправности крестьянъ по Положеніямъ 19 февраля 1861 года . .	62
IV. Законы 1889 года	68
V. Завершеніе личнаго освобожденія крестьянъ	73
VI. Устройство правопорядка въ сферѣ семейныхъ и поземельныхъ отношеній крестьянъ	82
VII. Крестьянскія сословныя учрежденія и правительственные органы для управленія крестьянами	114

Предисловіе ко второму изданію.

Послѣ выхода въ свѣтъ, въ маѣ прошлаго года, перваго изданія этой книжки послѣдовало опубликованіе очерка работъ образованной въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.

Ознакомленіе съ трудами этой коммисіи ни въ чемъ не поколебало моего убѣжденія въ томъ, что какъ насущные интересы нашей страны, такъ и поставленная редакціонной коммисіи цѣль совершить пересмотръ существующихъ о крестьянахъ узаконеній въ духѣ и направленіи Положеній 19 февраля 1861 года одинаково требуютъ завершенія великой освободительной реформы устраненіемъ еще сохранившихся ограниченій личной свободы крестьянъ, признаніемъ за ними гражданской полноправности и предоставленіемъ русскому земледѣльческому населенію равноправности съ лицами другихъ состояній государства.

Поэтому новое изданіе этого очерка по крестьянскому дѣлу не заключаетъ въ себѣ никакихъ существенныхъ измѣненій противъ предыдущаго.

Только глава VII, о сословныхъ крестьянскихъ учрежденіяхъ и правительственныхъ органахъ для управленія крестьянами, получила болѣе подробное развитіе.

Г. Е.

Предисловіе къ первому изданію.

Для всѣхъ очевидное разстройство нашей сельскохозяйственной промышленности обратило на себя въ послѣднее время вниманіе правительства и побудило его обратиться къ совѣщательному содѣйствію общественныхъ силъ земли для выясненія его причинъ и для обсужденія мѣръ, способныхъ поставить сельское хозяйство, этотъ основной промыселъ въ нашей земледѣльческой странѣ, въ условія, благопріятныя для его правильнаго развитія.

Не трудно доказать, что упадокъ нашей сельскохозяйственной промышленности есть одно изъ проявленій разстройства производительныхъ силъ всей страны. Но въ чемъ причина нашей экономической немощи?

Русскій народъ — способный, богато одаренный — раскинулся на необозримомъ просторѣ территоріи, неимѣющей себѣ равной по размѣрамъ земельной площади, изобилующей неисчерпаемыми естественными богатствами.

Правда, что значительная часть Россіи находится въ довольно суровыхъ климатическихъ условіяхъ, — но и болѣе близкое сосѣдство съ полярнымъ кругомъ не препятствуетъ экономическому преуспѣянію скандинавскихъ государствъ; не мѣшало оно матеріальному благосостоянію и нашей природой обиженной Финляндіи. Къ тому же, не малая часть нашего отечества пользуется всѣми благами полуденныхъ странъ: одна только полоса винодѣлія въ Европейской Россіи и на Кавказѣ вдвое больше пространства всей Франціи.

Отпраздновавъ сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ тысячелѣтіе со времени основанія русскаго государства,

мы не имѣемъ основанія объяснять экономическую немощь Россіи ея молодостью.

Остается, слѣдовательно, искать причину глубокаго разстройства производительныхъ силъ Россіи только въ условіяхъ ея соціальнаго и государственнаго строя.

Пріобщенная могучимъ геніемъ Петра европейской культурѣ въ началѣ XVIII вѣка, когда государства континентальной Европы переживали сословно-полицейскій фазисъ своего развитія, Россія въ дальнѣйшей эволюціи къ болѣе совершеннымъ формамъ государственнаго общежитія постоянно отъ нихъ отставала, причемъ наиболѣе роковое для нашего отечества значеніе имѣла запоздалая отмѣна крѣпостного права.

Въ этой отсталости — отсталости всесторонней — и лежитъ причина тяжелаго недуга, истощающаго здоровый отъ природы организмъ Россіи. Но всего сильнѣе, наиболѣе болѣзненно отражаются на немъ современное положеніе крестьянъ, составляющихъ въ населеніи нашей земледѣльческой страны подавляющее большинство.

Здоровый экономическій ростъ Россіи сталъ возможнымъ только послѣ освобожденія крестьянъ и при томъ условіи, что Положенія 19 Февраля 1861 г., хотя и установили въ проведеніи реформы извѣстную постепенность, но имѣли своею конечною цѣлью предоставленіе крестьянамъ совершенной политической и гражданской полноправности съ лицами другихъ состояній.

Въ послѣднее время законодательство о крестьянахъ сошло съ этого пути и экономическій недугъ, которымъ страдаетъ Россія и который имѣетъ свое основаніе въ нашей отсталости, долженъ былъ неминуемо обостриться.

Настоящій трудъ имѣетъ своимъ предметомъ посильно содѣйствовать выясненію устроительныхъ задачъ по завершенію освободительной реформы 19 Февраля 1861 г. въ томъ направленіи, которое было предуказано ея творцами.

I.

Бѣдность русскаго народа, ея предѣлы и значеніе.

Изъ всѣхъ государствъ христіанской культуры — Россія самое бѣдное.

По исчисленію статистика Мюльгаля, если богатство страны раздѣлить на число ея жителей, то каждый британецъ получилъ бы 247 фунт. стерл., французъ — 224, нѣмецъ—140, а русскій — только 55 фунт. стерл. Это наименьшая цифра народнаго богатства въ Европѣ, — Сербія имѣетъ на душу населенія 108 фунт. и Болгарія 70 фунт.

Допустимъ, что исчисленіе это, какъ всѣ статистическіе выводы, не вполнѣ точно, но въ своемъ конечномъ выводѣ оно несомнѣнно вѣрно. Исключительная и безпримѣрная для страны цивилизованной бѣдность Россіи доказывается данными вполнѣ очевидными и осязательными.

Начнемъ съ *территоріи*, съ нашей кормилицы земли. Тогда какъ Западная Европа обращена въ сплошной садъ и паркъ, тогда какъ тамъ въ богатыя пажити и драгоцѣнные лѣса обращены сыпучіе пески и культурою отвоеваны у моря обширныя пространства ставшаго производительнымъ морского дна, — у насъ замѣчаются явленія, прямо обратныя. Съ востока надвигается пустыня и захватываетъ нѣкогда плодородныя земли. Пе-

сокъ заноситъ озера и рѣки, которыя ежегодно мелѣютъ, а мѣстами совсѣмъ высыхаютъ. Уровень почвенныхъ водъ повсемѣстно въ Европейской Россіи понижается; ручьи, питавшіе рѣки, исчезаютъ. Овраги обнажаются и разростаются. Въ нашей черноземной полосѣ есть уѣзды, въ которыхъ пространство подъ оврагами занимаетъ уже 20% общей площади земли. Замѣчается самообразованіе песковъ и въ мѣстностяхъ, недоступныхъ знойному дыханію средне-азіатской пустыни. Изъ доклада Черниговской губернской управы земскому собранію мы узнаемъ, что въ этой губерніи, по сравненію съ официальными данными 50-хъ годовъ, площадь песковъ увеличилась отъ 2 до 32 разъ (въ Конотопскомъ уѣздѣ), а по всей губерніи засыпано за 30 лѣтъ пескомъ 37 тысячъ десятинъ прежде удобной земли. Еще того хуже въ Воронежской губерніи, въ четырехъ уѣздахъ которой на одной крестьянской землѣ изъ удобныхъ земель въ разрядъ неудобныхъ перешло 50 тысячъ десятинъ.

Въ общемъ, по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ Европейской Россіи считается свыше 65 милліоновъ десятинъ, т. е. около 17% неудобной земли. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ среднечерноземной и южной полосы овраги захватываютъ до 15—20% всей площади; болота въ одномъ Полѣсьѣ (Пинскія) занимаютъ свыше 3 милл. десятинъ; подъ песками находится въ Европейской Россіи свыше 4,6 милл. десятинъ, изъ коихъ 3½ милл. десятинъ приходятся на Калмыцкую и Киргизскую степи.

Отъ земли перейдемъ къ людямъ, къ *населенію*.

Россія отличается наибольшею рождаемостью. По свѣдѣніямъ медицинскаго департамента о состояніи народнаго здравія, изданнымъ въ 1898 г., въ среднемъ, за 1893—95 гг., въ Россіи было на 1000 жителей 48 рожде-

ній; въ Германіи — 36; въ Великобританіи — 30; во Франціи — 22. Но не на радость плодится русское сельское населеніе. Матеріальныя условія существованія для громаднаго его большинства самыя жалкія.

Жилье, изба или землянка, чаще всего представляетъ теперь изъ себя лачугу, болѣе пригодную для скота, чѣмъ для людей. Крестьяне, безъ различія пола, а нерѣдко и скотъ, располагаются на ночлегъ въ одномъ покоѣ, тѣсномъ и смрадномъ. Такое первобытное для европейца удобство домашней обстановки, какъ кровать, составляетъ у насъ въ крестьянскомъ быту величайшую рѣдкость. Деревни и села, въ которыхъ ютится въ Россіи сельское населеніе, выгораютъ начисто въ двадцать лѣтъ, довершая его разореніе. Иные гигіенисты говорятъ, впрочемъ, что если бы Россія періодически не выгорала, она за живо сгнила бы въ своихъ зараженныхъ избахъ и хатахъ. Отмѣтимъ по этому поводу, что, благодаря такимъ помѣщеніямъ, число страдающихъ чесоткой достигаетъ у насъ громадной цифры двухъ милліоновъ душъ. Самая смертность населенія находится въ прямомъ отношеніи къ степени гигіеничности жилища. Такъ, въ Англіи, при 102 кв. ярдахъ пространства жилища на человѣка, умираетъ 1 на 49, а при 32 ярдахъ одинъ изъ 36. Смертность въ квартирахъ изъ одной комнаты — 20,7%, а изъ 4-хъ и болѣе — только 12,3%.

Не въ лучшихъ условіяхъ находится *питаніе* русскаго крестьянина. Здѣсь замѣчается, сравнительно съ прошлымъ, послѣдовательное ухудшеніе. Уже на нашей памяти крестьянинъ лишился тѣхъ даровыхъ вспомогательныхъ источниковъ питанія, которые доставляли ему охота и рыбная ловля. Теперь пища крестьянина крайне однообразна; она состоитъ преимущественно изъ хлѣба и картофеля. Такія незатѣйливыя овощи, какъ капуста, лукъ и огурцы, у большинства крестьянъ выходятъ изъ

употребленія: сажать ихъ стало негдѣ, а купить не на что. Но и хлѣба, составляющаго основу питанія, не хватаетъ даже при среднемъ урожаѣ, и врачи-гигіенисты опредѣляютъ «недоѣданіе» русскаго крестьянина въ 30% противъ наименьшаго количества пищевыхъ продуктовъ, необходимыхъ для сохраненія здоровья и поддержанія работоспособности человѣка.

Въ нормальное время крестьянинъ «не доѣдаетъ», а при все учащающихся неурожаяхъ онъ «голодаетъ», употребляя въ пищу хлѣбъ, лишенный питательности и часто вредный вслѣдствіе значительной примѣси къ ржаной мукѣ разныхъ сорныхъ растеній, мякины и соломы. Такое питаніе вызываетъ изнуреніе, способствующее заболѣванію тифомъ, цынгой.

Домашняя обстановка и недостаточное питаніе большинства крестьянъ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ *физическое вырожденіе населенія.* Оно доказывается печатаемыми въ Правительственномъ Вѣстникѣ свѣдѣніями о результатахъ призыва новобранцевъ. У меня подъ руками отчетъ за 1898 г., изъ котораго видно, что въ этомъ году не принята была на службу почти пятая часть молодыхъ людей, несмотря на пониженныя теперь требованія.

Профессоръ Н. Голубовъ сообщаетъ отзывъ извѣстнаго клинициста Захарьина о народномъ здравіи въ Россіи: «За свою болѣе чѣмъ сорокалѣтнюю врачебную дѣятельность ему пришлось наблюдать здоровье четырехъ поколѣній: въ шестидесятыхъ годахъ онъ наблюдалъ прадѣдовъ, а на склонѣ своей жизни—правнуковъ. По его наблюденіямъ, питаніе деревенскаго люда ухудшалось на его глазахъ съ каждымъ годомъ. Если и всегда-то нашъ крестьянинъ мало употреблялъ мяса, то въ послѣднія десятилѣтія, съ рѣзкимъ уменьшеніемъ у крестьянъ количества скота и птицы, ресурсы для питанія

уменьшились до крайности; отсюда плохое физическое развитіе и болѣзненность новыхъ поколѣній».

Сельское населеніе Россіи заключаетъ въ себѣ безпримѣрное въ цивилизованныхъ странахъ количество сифилитиковъ, въ особенности дѣтей, калѣкъ и больныхъ чесоткою, на что указано выше.

Такія условія матеріальнаго существованія непосредственно вліяютъ на продолжительность жизни и *смертность* въ Россіи.

Въ Россіи на одну тысячу населенія приходится людей въ возрастѣ старше 40 лѣтъ — 221, а во Франціи — 344.

По свѣдѣніямъ медицинскаго департамента, въ среднемъ, за 1893—95 гг. въ Россіи было на 1000 жителей 33 смерти; въ Германіи — 23; во Франціи — 22; въ Великобританіи — 18.

По другимъ свѣдѣніямъ, за 1897 г. наибольшая смертность была въ Россіи — 31 на тысячу населенія, а наименьшая въ Швеціи и Норвегіи — 15 на тысячу жителей. Оцѣнивая каждаго умершаго русскаго, при нашемъ убожествѣ, только въ сто рублей, — средній англичанинъ цѣнится въ 4000 руб., — Россія потеряла въ 1897 г. на большей смертности по сравненію съ западно-европейскими государствами капиталъ отъ 886 до 1331 милліона рублей.

Тогда какъ въ западно-европейскихъ государствахъ смертность послѣдовательно уменьшается, этого нельзя, къ сожалѣнію, сказать о Россіи. Въ голодные же года, въ особенности въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ, замѣчается вымираніе населенія, т. е. число умирающихъ начинаетъ превышать число рожденій, несмотря на самую высокую рождаемость въ Россіи, какъ страны земледѣльческой. При этомъ надо замѣтить, что смертность находится у насъ въ прямой зависимости отъ го-

лоданія населенія, понижаясь въ мѣсяцы, непосредственно слѣдующіе за жатвой, и повышаясь въ тѣ мѣсяцы, когда продовольственные запасы истощены *).

Непомѣрно высокою оказывается у насъ въ особенности смертность дѣтей. По отчету медицинскаго департамента за 1879 г., изъ 1.568.315 мальчиковъ, родившихся въ 1857 г., черезъ двадцать лѣтъ, въ 1879 г., оставалось въ живыхъ 750.622. Изъ нихъ осмотрѣны въ присутствіяхъ по воинской повинности 272.974 и найдено 58.827 (21%) страдающими разными болѣзнями и пороками. Съ тѣхъ поръ обстоятельства ухудшились и сравнительныя данныя показываютъ, что изъ 1000 одновременно родившихся (сверстниковъ) достигаютъ 20-тилѣтняго возраста: въ Швеціи — 711, въ Англіи — 680, въ Швейцаріи — 676, во Франціи — 660, въ Германіи — 593, въ Италіи — 558, а въ Европейской Россіи только — 437. «Моръ младенцевъ» уноситъ у насъ ежегодно болѣе жизней, чѣмъ самая кровопролитная война.

Важно имѣть въ виду, что смертность дѣтей зависитъ въ значительной степени отъ культурныхъ условій и хозяйственнаго быта сельскаго населенія и доказательства тому можно найти, не выходя за границу нашего государства: въ-то время, какъ въ губерніяхъ прибалтійскихъ на тысячу родившихся въ возрастѣ до одного года умираетъ только 150 дѣтей, въ губерніяхъ великороссійскихъ, въ особенно восточныхъ, число умирающихъ до одного года дѣтей превышаетъ эту цифру болѣе чѣмъ вдвое, достигая въ Пермской губ. 434 изъ тысячи дѣтей.

---

*) Фактическія и на статистическихъ данныхъ основанныя доказательства см. на стр. 330 русскаго перевода книги проф. Шульце-Геверницъ: «Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи».

Обратимся теперь къ источникамъ существованія и обогащенія русскаго народа.

Мѣриломъ процвѣтанія у насъ *сельскаго хозяйства*, главной отрасли народнаго богатства въ Россіи, могутъ служить слѣдующія данныя.

При господствующихъ у насъ трехпольномъ и переложномъ хозяйствахъ ежегодно остаются непроизводительными, подъ паромъ и залежью, $35,_4\%_0$ всей площади пахатной земли, а при существующей на западѣ Европы многопольной системѣ подъ паромъ остается только $7\%_0$ обрабатываемой земли.

Относительно урожайности средній валовой сборъ съ десятины въ Россіи въ полтора раза менѣе, чѣмъ въ Австро-Венгріи, въ два раза менѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, Германіи и Франціи, и втрое меньше, чѣмъ въ Англіи.

83553

Эта отсталость стоитъ намъ около трехъ милліардовъ рублей, которыхъ мы ежегодно не дополучаемъ съ нашей пахатной земли, которая по своему качеству и естественному плодородію во всякомъ случаѣ не уступаетъ землямъ Западной Европы и Соединенныхъ Штатовъ.

Достойно вниманія, что вся посѣвная площадь Соединенныхъ Штатовъ, 40 милліоновъ десятинъ (1 дес.= 1,09 гектара), равняется количеству земли, которое въ Россіи остается подъ паромъ и залежью, и С. Штаты получаютъ съ этой площади урожаи, цѣнность которыхъ (только пшеницы, овса и кукурузы) никогда не опускалась ниже 4 милліардовъ рублей, а переходила даже разъ за 6 милліардовъ, тогда какъ цѣнность урожая главныхъ хлѣбовъ въ Россіи (пшеница, рожь, ячмень и овесъ) колеблется около 2 милліардовъ рублей *).

*) Выводы эти мною сдѣланы на основаніи статистическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ 6 изд. Коммерческой географіи Морева

Такія преимущества въ сельско-хозяйственной культурѣ Соединенные Штаты Америки пріобрѣли передъ Россіей въ относительно недавнее время. Князь В. Кудашевъ, редакторъ газеты «Хозяйство», приводитъ по этому предмету слѣдующіе факты и цифры изъ Ежегодника департамента земледѣлія Соединенныхъ Штатовъ Америки:

«Въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія техника земледѣлія и стоимость производства всѣхъ работъ стояла у насъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки на совершенно одинаковомъ уровнѣ. Нашъ земледѣлецъ и фермеръ любого штата въ Америкѣ одинаково пахали почву неуклюжимъ деревяннымъ плугомъ или сохой, сѣяли зерно руками, заборонивали его деревянной бороной, жали хлѣбъ серпомъ или косой, свозили урожаи въ сараи, сушили его, исподоволь обмолачивали его цѣпами, провѣвали деревянною лопатою и ссыпали зерно въ амбары. Такъ же точно и трава скашивалась, ворошилась, сгребалась и сметывалась въ стоги руками, косой, граблями и вилами, а сѣно прессовалось ручнымъ прессомъ.

Къ концу же прошлаго вѣка нѣтъ уже фермера въ Америкѣ, который не пахалъ бы и одновременно не дробилъ почву дисковымъ плугомъ; онъ обсѣменяетъ почву конной сложной сѣялкой, одновременно жнетъ, молотитъ и ссыпаетъ зерно въ мѣшки конной жнее-молотилкой и сдаетъ это зерно прямо съ поля въ элеваторъ желѣзнодорожный, частный или общественной. Траву онъ коситъ, ворошитъ, сгребаетъ, мечетъ въ стоги и прессуетъ сѣно конными механизмами.

Въ результатѣ для производства одной четверти

и въ цитированномъ уже нѣмецкомъ сочиненіи профессора фонъ Шульце-Геверница.

пшеницы фермеръ въ Америкѣ работалъ въ половинѣ прошлаго вѣка 2 ч. 20 м., теперь—$7^3/_4$ м. Стоимость работы обходилась тогда 27 к., теперь—5 к., хотя оплата труда возрасла за 1 часъ съ 11 до 38 к.

Для производства 100 пудовъ прессованнаго сѣна фермеръ работалъ въ половинѣ прошлаго вѣка $57^1/_2$ часовъ, теперь—$18^1/_2$ ч. Стоимость работы обходилась тогда 2 р. 87 к., теперь—1 р. 16 к., хотя трудъ вздорожалъ за одинъ часъ съ 11 к. тогда до 27 к. теперь».

Помноживъ приведенныя цифры сбереженій на урожай въ Америкѣ за 1899 г. (по тому же Ежегоднику) и считая долларъ за 2 р., получимъ, что американская сельскохозяйственная среда сберегла въ этомъ году отъ успѣха въ техникѣ земледѣлія и только на семи главныхъ хлѣбахъ: кукурузѣ, пшеницѣ, овсѣ, ржи, картофелѣ и ячменѣ—1.362.943.654 рублей.

Столь быстрый прогрессъ земледѣлія въ Америкѣ даетъ намъ надежду, что при измѣнившихся соціальныхъ условіяхъ и наша сельскохозяйственная среда можетъ достичь такихъ же благопріятныхъ результатовъ отъ улучшенной обработки земли, сохранившей у насъ еще много питательныхъ веществъ, благодаря поверхностной вспашкѣ.

Покуда же приходится отмѣтить несомнѣнный регрессъ въ нашей сельскохозяйственной промышленности, самымъ тревожнымъ признакомъ котораго является убыль скота и прогрессирующая безлошадность.

Весьма цѣнными въ этомъ отношеніи представляются свѣдѣнія, опубликованныя Рязанской губернской земской управой, какъ основанныя на тщательномъ, дважды произведенномъ, подворномъ изслѣдованіи 32 крестьянскихъ обществъ Михайловскаго уѣзда за 1885 и 1898 гг. Убыль скота въ этихъ обществахъ за указанное время выражается: для лошадей—14,4%; жеребятъ—39,8%;

коровъ 1,1% *); телятъ—34,5%; овецъ—65,8%; свиней—81,9%.

«Упадокъ скотоводства,—говорится въ земскомъ изданіи,—полный. Скотоводство, какъ промыселъ, можно сказать, за послѣднія пятнадцать лѣтъ совершенно перестало существовать въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тогда какъ прежде оно-то, главнымъ образомъ, и давало денежный доходъ крестьянину».

Привожу эти свѣдѣнія, какъ особенно точныя и вполнѣ достовѣрныя, но картина упадка скотоводства, которую они рисуютъ, можетъ быть воспроизведена, на основаніи другихъ данныхъ, для всей центральной и восточной Россіи.

Во время періодическихъ недородовъ скотъ распродается за безцѣнокъ. Случается, что лошадей рѣжутъ изъ-за шкуры.

Наша отсталость замѣчается также въ наиболѣе выгодной въ другихъ странахъ культурѣ дорогихъ растеній, какъ виноградная лоза, табакъ и свекловица. По площади, пригодной для культуры винограда, Россія занимаетъ второе мѣсто, а по производительности нашихъ виноградниковъ — седьмое. При этомъ русскія вина, въ особенности крымскія, отличаются баснословной дороговизною.

Богатство страны зависитъ отъ того, насколько благосостояніе *равномѣрно распространяется въ народѣ* и глубоко проникаетъ въ его низшіе слои. Сосредоточеніе хотя баснословныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ лицъ или извѣстнаго привилегированнаго класса населенія, оставляя страну бѣдною, составляетъ отличитель-

---

*) Абсолютное число ихъ было въ 1898 г. 3.660 на 36.041 душъ населенія обоего пола: 1 корова на 10 душъ.

ный признакъ или варварскаго состоянія государства,—восточныя деспотіи,—или его упадка—Римская имперія, latifundiae perdidere Romam.

По этому предмету въ «Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи" напечатанъ былъ этюдъ покойнаго А. А. Рихтера подъ заглавіемъ: «Какъ распредѣленъ у насъ достатокъ». Авторъ воспользовался данными казенныхъ палатъ о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, и, сопоставляя эти данныя съ выводами статистики о средней продолжительности жизни для разныхъ возрастныхъ группъ, вычислилъ, что общая цѣнность имуществъ состоятельныхъ классовъ, т. е. превышающая 1000 руб., достигаетъ въ Россіи $12^1/_4$ милліардовъ руб., а за вычетомъ слишкомъ двухъ милліардовъ долговъ, входящихъ въ эту цифру (въ томъ числѣ $1^1/_5$ милліарда рублей, обезпеченныхъ недвижимостью), общая цѣнность тѣхъ же имуществъ опредѣляется въ $10^1/_6$ милліарда руб., которые по роду имуществъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

$5^1/_3$ милліарда руб. недвижимыхъ имуществъ
$4^2/_8$ „ „ денежныхъ капиталовъ и
$^2/_3$ „ „ товаровъ.

Распредѣляя эти имущества, авторъ исчисляетъ общее число владѣльцевъ ихъ въ 346.850, а по переписи въ 1897 г.—въ 423 тыс. человѣкъ, и, принимая средній составъ семьи въ 5 человѣкъ, общее число владѣльцевъ съ ихъ семьями опредѣляется въ 1.733.680 человѣкъ, что составляетъ (относя эту цифру къ численности населенія въ 1887 г.) $1{,}6\%$ всего населенія Имперіи. Какъ замѣчаетъ авторъ на основаніи этого подсчета, «надъ безграничною и скудною равниною, представляемою имущественнымъ уровнемъ безъ малаго 20 мил. семей нашего народа, высится тонкій шпиль наслѣдственныхъ сбереженій, сосредоточенныхъ въ рукахъ 423 тыс.семей».

Самымъ вѣрнымъ признакомъ благосостоянія народа служитъ размѣръ дѣлаемыхъ имъ сбереженій. Описанная картина бѣдности русскаго сельскаго населенія, составляющаго 87% всегонаселенія Имперіи, уже предуказываетъ *ничтожность накопленнаго русскимъ народомъ движимаго капитала*, а фактическимъ тому подтвержденіемъ служатъ: размѣръ вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ, дороговизна капитала, задолженность наша иностранцамъ, участіе иностранныхъ капиталовъ въ нашихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, степень развитія нашей обрабатывающей промышленности, а также размѣръ и свойства нашего торговаго обмѣна *).

Слѣдующая таблица показываетъ, насколько русскій народъ мало откладываетъ въ сберегательныя кассы, по сравненію съ населеніемъ западно-европейскихъ государствъ:

---

*) Сдѣлаю здѣсь общее замѣчаніе относительно значенія цифровыхъ данныхъ для опредѣленія степени благосостоянія страны. Величина абсолютныхъ цифръ не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакого значенія: при такомъ множителѣ, какъ 130 милліоновъ населенія, онѣ у насъ не могутъ не быть громадными. Возрастаніе ихъ тоже не всегда свидѣтельствуетъ о соотвѣтственномъ увеличеніи народнаго богатства: оно отмѣчаетъ нерѣдко или искусственное развитіе извѣстной отрасли народнаго хозяйства или чрезмѣрное напряженіе уже истощенныхъ силъ страны.

Такъ какъ благосостояніе всего государства зависитъ отъ степени его распространенности въ массахъ населенія, то значеніе имѣютъ цифровыя данныя, переведенныя на единицу населенія и притомъ по сопоставленіи ихъ съ тѣми же данными въ другихъ государствахъ, потому что богатство народовъ, подобно благосостоянію отдѣльныхъ лицъ, есть вещь относительная и познается по сравненію.

Страны:	Число вкладчиковъ: въ тысячахъ.	Число вкладчиковъ: въ % къ населенію.	Сумма вкладовъ: въ мил. руб.	Сумма вкладовъ: на 1 жителя въ рубляхъ.
Франція	9.965	25,8	1.603,2	41 64
Бельгія.	1.515	22,6	212,8	31 76
Австрія	4.371	9,4	1.451	31 36
Великобританія.	8.047	19,6	1.230,6	30 —
Италія.	5.313	16,5	775,5	24 23
Россія.	3.540	2,6	752	5 50

Германію трудно брать для сравненія, такъ какъ тамъ сберегательное дѣло устроено иначе (ссудо-сберегательныя кассы, учреждаемыя городскими и сельскими общинами), но по итогу сбереженій, стекающихся въ ея кассы, Германія стоитъ даже впереди Франціи.

За послѣднее пятилѣтіе итогъ вкладовъ у насъ почти удвоился, но это свидѣтельствуетъ только о благоразумной заботливости финансоваго вѣдомства, о расширеніи сѣти сберегательныхъ кассъ, чѣмъ достигается двоякая цѣль: населеніе пріучается къ бережливости, а казнѣ облегчается возможность размѣщать свои долговыя обязательства, преимущественно ренту, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ биржевую цѣнность. Сумма процентныхъ бумагъ, покупаемыхъ по требованію вкладчиковъ за счетъ ихъ вкладовъ и оставленныхъ на храненіе въ кассѣ, достигаетъ 90 милліоновъ рублей.

Возрастаніе суммы вкладовъ въ нашихъ сберегательныхъ кассахъ уже потому не можетъ служить доказательствомъ увеличивающагося благосостоянія массъ, что, при громадномъ преобладаніи у насъ сельскаго населенія передъ городскимъ (87%), число вкладчиковъ-сельчанъ совершенно ничтожно: 640 тыс., что составляетъ менѣе 1% населенія, занятаго въ земледѣліи, и всего 22% общаго числа вкладчиковъ кассъ. Сумма

ихъ равняется 126 милліонамъ, т. е. немного болѣе рубля на душу сельскаго населенія.

По непреложному экономическому закону все рѣдкое, встрѣчающееся въ недостаточномъ количествѣ,— стоитъ дорого. Недостатокъ сбереженій въ движимомъ капиталѣ имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ его дороговизну.

Въ Западной Европѣ можно получить деньги на солидное дѣло для промышленныхъ цѣлей или торговыхъ оборотовъ за 4, 3, 2 и даже менѣе того процентовъ. Это показываетъ, что народный трудъ тамъ производителенъ и, содѣйствуя сбереженіямъ, вызываетъ прогрессивное наростаніе народнаго капитала. Онъ оплодотворяетъ прежде всего и за дешевое вознагражденіе родную промышленность. Съ послѣдовательнымъ ростомъ народнаго богатства капиталъ увеличивается, онъ уже не находитъ себѣ помѣщенія дома и направляется тогда на эксплоатацію естественныхъ богатствъ въ чужихъ странахъ, бѣдныхъ, т. е. не имѣющихъ въ достаточномъ количествѣ своихъ сбереженій. Онъ предоставляется также этимъ странамъ въ ссуду, за болѣе или менѣе высокій процентъ, глядя по степени надежности помѣщенія. Развившаяся на дешевомъ капиталѣ и при благопріятныхъ культурныхъ условіяхъ промышленность богатой страны, за удовлетвореніемъ домашнихъ потребностей, вывозитъ свои издѣлія,— т. е. естественныя произведенія земли, пріумноженныя въ своей цѣнности обработкою,—въ страны менѣе культурныя, а потому бѣдныя, и получаютъ въ обмѣнъ дешевые жизненные припасы и сырье. Прототипъ такого торговаго обмѣна это—когда культурный человѣкъ обмѣниваетъ у дикаря дорогую пушнину или даже золото на алкоголь или грошевые бусы.

Отсталая и бѣдная страна находится въ данниче-

скихъ отношеніяхъ къ странамъ богатымъ и культурнымъ: въ такой именно экономической зависимости находится Россія отъ государствъ, опередившихъ ее на пути матеріальнаго преуспѣянія.

Недостатокъ своихъ капиталовъ обусловливаетъ у насъ высоту процента по всякимъ обязательствамъ; даже банковый кредитъ подъ вѣрное обезпеченіе достигаетъ у насъ 8%. Крестьяне же, нуждающіеся въ деньгахъ, вынуждены платить баснословный ростъ и для нихъ кредитъ влечетъ прямо кабальную отъ заимодавца зависимость.

Недостатокъ собственныхъ сбереженій вызываетъ нашу внѣшнюю задолженность и обращеніе къ услугамъ иностраннаго капитала для эксплоатаціи нашихъ естественныхъ богатствъ.

Нашъ государственный долгъ превышаетъ шесть милліардовъ рублей *)

Крупная сумма государственнаго долга, сама по себѣ, не есть для государства условіе въ экономическомъ отношеніи неблагопріятное. Напротивъ того,—для страны богатой и развивающей свои производительныя силы, государственный долгъ есть способъ переложенія расходовъ чрезвычайныхъ на будущія поколѣнія, которыя воспользуются ихъ результатами. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ государственными долгами въ Россіи.

Для богатаго государства заемъ есть внутренній оборотъ денегъ,—капитальная сумма, проценты и погашеніе, все остается дома. Для насъ всякій заемъ есть дань, которую мы обязываемся платить чужеземцамъ.

Наша внѣшняя задолженность угнетаетъ нашъ международный балансъ и служитъ постоянной угрозой ус-

*) Изъ нихъ около трехъ милліардовъ желѣзнодорожныхъ долговъ.

тойчивости металлическаго обращенія, возстановленнаго на низкомъ уровнѣ валюты съ весьма чувствительными жертвами для населенія.

Не считая иностранныхъ капиталовъ, обращающихся въ русской промышленности, нашихъ банкахъ и портовой торговлѣ, наша задолженность за границей по процентнымъ обязательствамъ, — займы, рента, срочныя бумаги,—опредѣляется свыше 4 милліардовъ рублей, по которымъ приходится высылать ежегодно за границу до 200 милліоновъ рублей процентовъ и погашенія.

Задолженность Россіи иностранцамъ имѣетъ еще то неблагопріятное послѣдствіе, что отклоняетъ нашъ государственный долгъ отъ его прямого назначенія — служить источникомъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ при посредствѣ долгосрочнаго государственнаго кредита.

За послѣдніе года взыскано съ достаточно обнищавшаго русскаго народа сверхъ суммъ, нужныхъ на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ, болѣе полутора милліарда рублей, которые пошли на удовлетвореніе чрезвычайныхъ потребностей государства. Въ этомъ нельзя не видѣть одной изъ причинъ обострившагося истощенія платежныхъ силъ населенія. Съ другой стороны, такое еретическое отношеніе къ здравымъ принципамъ народнаго обложенія имѣетъ у насъ то оправданіе, что оставленіе этого полутора милліарда рублей въ народной экономіи и соотвѣтственное увеличеніе нашего внѣшняго долга могло бы имѣть не менѣе печальныя послѣдствія. Это одна изъ трудно разрѣшимыхъ дилеммъ, которыя ставитъ нашему финансовому хозяйству бѣдность народа.

Обрабатывающая промышленность въ Россіи не развилась самобытно, а насаждена заботами правительства и существуетъ нынѣ подъ охраной высокихъ таможенныхъ пошлинъ.

Несмотря на всѣ старанія правительства, русская промышленность не могла развиваться, пока существовало крѣпостное право, доколѣ отсутствовалъ вольный трудъ. Не помогало тогда и таможенное огражденіе, даже запретительный тарифъ 1822—1844 гг. при графѣ Канкринѣ. Только реформы Императора Александра II создали въ Россіи условія, при которыхъ стало возможнымъ развитіе крупной промышленности.

Въ 1856 году всѣ фабрики и заводы Европейской Россіи (за исключеніемъ выдѣлывавшихъ продукты, обложенные акцизомъ) производили только на 204 мил. рублей. Въ 1897 г. считалось въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи 27.553 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ въ 2.101.000.000 рублей.

Какъ ни велики эти цифры, но, сопоставленныя съ числомъ народонаселенія и въ особенности по сравненію со степенью развитія промышленности въ другихъ странахъ, онѣ свидѣтельствуютъ только о поистинѣ безнадежной отсталости русской обрабатывающей промышленности. Отсталость эта обнаруживается во всѣхъ ея отрасляхъ, но я возьму для сравненія добычу желѣза, служащую наиболѣе отличительнымъ признакомъ промышленнаго движенія страны. Кромѣ того, въ этой промышленности всѣ преимущества на нашей сторонѣ, такъ какъ природа наградила Россію неисчерпаемыми залежами чугуна. Остановимся для Россіи на 1889 г., какъ предшествовавшемъ перепроизводству послѣднихъ лѣтъ и ближайшемъ къ 1890 г., относительно котораго мы имѣемъ свѣдѣнія для Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Въ 1889 г. Россія выработала 26 мил.

пуд. желѣза, а Соединенные Штаты 600 мил. пудовъ (10 мил. тоннъ). Съ тѣхъ поръ пропорція эта могла разойтись только къ ихъ выгодѣ, такъ какъ Америка отличается безпримѣрнымъ прогрессомъ желѣзодѣлательной промышленности; она быстро въ этомъ отношеніи обгоняетъ Англію,—а этимъ много сказано. Не далѣе, какъ въ 1878 г. изъ всего желѣза, добываемаго на свѣтѣ, на долю Великобританіи приходилось 45%, а на долю Соединенныхъ Штатовъ—16%. За слѣдующее десятилѣтіе Америка уже обогнала Англію, увеличивъ за это время свое производство втрое.

Даже въ этихъ ограниченныхъ размѣрахъ обрабатывающая промышленность составляетъ еще въ Россіи искусственное, тепличное растеніе, медленно развивающееся подъ сѣнью таможеннаго огражденія.

Естественное развитіе промышленности, обрабатывающей въ крупныхъ размѣрахъ, возможно только послѣ того, какъ успѣхи сельскаго хозяйства вызвали извѣстную степень благосостоянія большинства населенія.

Поощреніе фабричной и заводской промышленности имѣетъ цѣлью поставить ее въ наиболѣе благопріятныя условія для послѣдовательнаго ея развитія при непрерывномъ увеличеніи вырабатываемыхъ матеріаловъ и издѣлій. Но такой ростъ промышленности возможенъ только послѣ того, какъ сельское хозяйство стало окончательно на ноги и начало давать избытки производства за широкимъ удовлетвореніемъ продовольственныхъ потребностей населенія; когда въ сельскохозяйственной средѣ образовались сбереженія и народный капиталъ, содѣйствуя улучшенію техники сельскаго хозяйства, начинаетъ питать и промышленность обрабатывающую, которая съ своей стороны вызываетъ усиленное развитіе торговли. Тогда благосостояніе народа,

пріумножаемое въ производительныхъ занятіяхъ земледѣліемъ, промышленностью и торговлей, создаетъ богатый рынокъ для заводскаго и фабричнаго производства. Для зажиточнаго населенія, сельскаго и городского, необременительно тогда оплатить, если надобность укажетъ, и покровительственный тарифъ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ цѣны всѣхъ предметовъ потребленія.

Изъ этой схемы правильно уравновѣшеннаго развитія земледѣльческой и обрабатывающей промышленности въ благоустроенной странѣ я вывожу то заключеніе, что заботы о преуспѣяніи сельскаго хозяйства должны предшествовать мѣрамъ, направленнымъ къ насажденію и поощренію фабричной и заводской промышленности, и что таможенное огражденіе должно быть тѣмъ умѣреннѣе, чѣмъ менѣе развито въ странѣ сельское хозяйство, которое въ земледѣльческой странѣ, какъ Россія, оплачиваетъ его почти цѣликомъ.

Заключеніе это подтверждаютъ какъ указанія здравой экономической теоріи, такъ и историческій опытъ государствъ, достигшихъ величайшей экономической мощи.

Въ Англіи личная зависимость крестьянина отъ землевладѣльца пала рано, — она исчезла постепенно и сама собою, благодаря несоотвѣтствію съ измѣнявшеюся соціальной структурой государства.

Въ XV и XVI вв., вмѣстѣ съ огораживаніемъ полей, послѣдовала уже замѣна общиннаго хозяйства индивидуальнымъ. Одновременно положительный законъ замѣнилъ обычное право, чѣмъ обезпечивалась твердость договорныхъ отношеній и облегчался переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Все это вызвало прогрессъ сельскохозяйственной культуры, которая продолжала пользоваться заботами правитель-

ства *) и послѣ того, какъ Англія завоевала себѣ первое мѣсто въ промышленности и всемірной торговлѣ. Только въ 1846 г. положено начало упраздненію хлѣбныхъ пошлинъ, причемъ мѣра эта была проведена постепенно и съ большой осторожностью (знаменитые хлѣбные законы Роберта Пиля).

Съ развитіемъ фабричной и заводской промышленности земледѣліе въ самой Англіи утратило значеніе; она получаетъ земледѣльческіе продукты изъ за границы по дешевой цѣнѣ. Земледѣліе эмигрировало изъ метрополіи въ колоніи, въ С. Америку, Австралію, а въ Индіи Англія пріобрѣла болѣе 300 милліоновъ земледѣльческаго населенія.

Признаніе независимости Соединенныхъ Штатовъ Америки застало эту страну въ земледѣльческомъ фа-

*) Характерна въ этомъ отношеніи молитва за земледѣльцевъ въ молитвенникѣ короля Эдуарда VI (1553 г.): «Земля Твоя, Господи, и все, что въ ней находится, но Ты даровалъ ее въ обладаніе сынамъ человѣческимъ во время ихъ странствованія въ этой юдоли печали. Усердно молимъ Тебя, ниспошли Твой Святой Духъ въ сердца тѣхъ, которые владѣютъ землями, пастбищами и жильями, чтобы они, памятуя, что они Твои арендаторы, не возвышали платы за свои дома и земли, не налагали тяжкихъ налоговъ, какъ то дѣлаютъ алчные міряне, но сдавали ихъ за такую цѣну, чтобы ихъ арендаторы были въ состояніи не только уплачивать аренду, а могли также жить честно, прокармливать свои семьи и помогать бѣднымъ. Даруй имъ также благодать помнить, что они лишь странники въ семъ мірѣ, не имѣющіе здѣсь обители, а ищущіе грядущей обители; чтобы они, памятуя кратковременность жизни, довольствовались своимъ достояніемъ и не присоединяли бы домъ къ дому, землю къ землѣ, вызывая обнищаніе другихъ, и чтобы они, сдавая жилища, земли и пастбища, поступали такъ, чтобы послѣ этой жизни быть принятыми въ вѣчныя обители, ради Іисуса Христа, Господа нашего. Аминь». (The Primer, or Book of Private Prayer. Parker Society Publications, p. 458).

зисѣ и сельское хозяйство составляло тамъ до послѣдняго времени главный промыселъ и важнѣйшій источникъ обогащенія населенія. Мы видѣли, какіе поразительные успѣхи оно сдѣлало за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, и правительство Соединенныхъ Штатовъ содѣйствовало этому преуспѣянію всѣми доступными ему средствами. Фабричное и заводское производство, при умѣренномъ таможенномъ покровительствѣ, развивалось естественно, слѣдуя за ростомъ народнаго благосостоянія и служа, главнымъ образомъ, улучшенію техники того же земледѣлія. Извѣстно, что Америка занялась прежде всего изготовленіемъ сельскохозяйственныхъ машинъ и достигла въ этомъ производствѣ наибольшаго совершенства. Фабричная промышленность не угнетаетъ тамъ земледѣлія, а служитъ ему на пользу. Только тогда, когда успѣхи сельскохозяйственной промышленности были вполнѣ упрочены и страна накопила сказочныя богатства, когда мѣстный рынокъ былъ насыщенъ издѣліями національнаго труда, Соединенные Штаты рѣшили продолжать свое обогащеніе на чужой счетъ—и только лѣтъ двадцать тому назадъ стали рѣшительно на путь протекціонизма, а вслѣдъ затѣмъ и болѣе предпріимчивой внѣшней политики для обезпеченія себѣ рынковъ сбыта.

Положеніе крестьянъ во Франціи, до революціи, было бѣдственное. Еще въ XIV вѣкѣ угнетеніе и, въ особенности, непомѣрное количество податей довели ихъ до отчаянія и вызвали возстаніе. Добродушный Jacque bonhomme озвѣрѣлъ и послѣдовали ужасы жакеріи. Въ XVIII вѣкѣ положеніе сельскаго населенія во Франціи было весьма схоже съ настоящимъ положеніемъ русскихъ крестьянъ.

Вотъ какъ описываетъ его Тэнъ: «Le peuple a juste le peu qu'il faut pour ne pas mourir de faim et plus d'une fois ce

peu lui manque». Въ 1705 г. вымираетъ отъ голоду шесть милліоновъ человѣкъ,—треть населенія. То же повторяется въ 1740 г. Ко времени, непосредственно предшествовавшему революціи, единственная забота населенія—«comment vivre jusqu'à la prochaine recolte». При такой бѣдности сельскаго населенія увлеченное меркантильной системой правительство сосредоточиваетъ свои заботы на развитіи обрабатывающей промышленности и терпитъ, конечно, полную неудачу.

Послѣ революціи свободные и полноправные крестьяне съ жадностью расхватываютъ господскія земли,—образуется мелкая поземельная собственность, начинаетъ процвѣтать сельское хозяйство, а за нимъ, естественно, развивается фабричная и заводская промышленность.

Въ Германіи, при господствѣ сословно-бюрократическаго режима, сельское хозяйство было въ полномъ упадкѣ. Вотъ описаніе, относящееся къ половинѣ XVIII столѣтія: «Крестьянинъ еле перебивается и почитаетъ себя счастливымъ, если можетъ исправно отбывать повинности помѣщичьи и государственныя. Надѣлъ въ лучшемъ случаѣ даетъ не больше того, что нужно для поддержанія жизни. Отложить что нибудь на слѣдующій годъ крестьянинъ ужъ не въ состояніи»... При этихъ условіяхъ, при отсутствіи рынка, всѣ старанія Фридриха Великаго о развитіи индустріи оказываются тщетными. Королевскій дворъ былъ главнымъ потребителемъ продуктовъ ткацкаго производства, съ большими жертвами вызваннаго къ жизни въ Берлинѣ и Потстдамѣ.

Въ Пруссіи освобожденіе крестьянъ послѣдовало въ 1807 г., а регулированіе поземельныхъ отношеній длилось до 1857 г., тормозимое требовательностью помѣстнаго дворянства. Правомъ выкупа земли въ собственность воспользовались тамъ только сильныя хозяйства,

имѣвшія полную упряжку (6—8 лошадей, 4 вола при двухъ работникахъ, двухъ женщинахъ и одномъ подросткѣ). Кнапъ, историкъ освобожденія крестьянъ въ Пруссіи, свидѣтельствуетъ, что предоставленіе крестьянамъ свободы и общихъ правъ упрочило юридическій строй въ странѣ. Крестьянинъ, ставъ полноправнымъ гражданиномъ, научился уважать чужую собственность. «Прежде преступленія лѣсныя и противъ права охоты были обыкновеннымъ явленіемъ; луга, пашни и огороды сосѣдей, изо дня въ день, повреждались, частью изъ злобы, частью по небрежности; общественные парки не были гарантированы отъ порчи. Все это измѣнилось: теперь можно сажать на дорогахъ даже плодовыя деревья». На первыхъ же порахъ выяснилась необходимость улучшенія хозяйственной техники, и урожаи удвоились.

Только послѣ успѣховъ сельскохозяйственной промышленности послѣдовало въ Пруссіи уже на нашихъ глазахъ развитіе и промышленности обрабатывающей.

Ростъ германской промышленности въ послѣднее время поразителенъ. Германія уже успѣшно конкурируетъ на всемірной аренѣ съ Англіей, требуя чужеземныхъ рынковъ для помѣщенія избытковъ своего производства. Потребность эта подчинила, между прочимъ, вліянію Германіи и Турцію, тогда какъ еще недавно Германія не имѣла на Востокѣ никакихъ интересовъ.

На твердомъ основаніи уже вполнѣ упроченнаго положенія земледѣлія, вызвавшаго благосостояніе сельскихъ массъ, развилась обрабатывающая промышленность и у другихъ богатыхъ и богатѣйшихъ народовъ,— въ Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швейцаріи.

Въ Россіи заводская и фабричная промышленность, состоя по вѣдомству и подъ опекой министерства финансовъ, и до сего времени поощрялась, по принципамъ

меркантильной системы, какъ нѣчто само себѣ довлѣющее, безъ всякой связи съ другими отраслями народнаго хозяйства и, прежде всего, съ главнѣйшею изъ нихъ, — промышленностью земледѣльческою.

При господствующемъ у насъ бюрократическомъ режимѣ, въ нашей чиновной правительственной организаціи до самаго послѣдняго времени не было даже учрежденія, которое, въ согласіи съ предоставленными ему предметами вѣдомства, могло бы сколько-нибудь авторитетно представлять интересы сельскаго хозяйства и заявлять при случаѣ о той зависимости, въ которой отъ преуспѣянія земледѣлія находится заводская и фабричная промышленность.

Въ какой тѣсной зависимости стоятъ сельское хозяйство и фабричное производство, видно изъ того, что наиболѣе глубокіе корни пустила у насъ хлопчатобумажная промышленность, которая менѣе всего поощрялась. Между тѣмъ она обогнала суконное и льняное производства и занимаетъ у насъ теперь первое мѣсто, только потому, что, производя преимущественно дешевыя ткани, она удовлетворяетъ элементарныя потребности крестьянскаго населенія обоего пола въ одеждѣ по цѣнѣ болѣе дешевой, чѣмъ обходилась бы теперь прежняя льняная самодѣльщина.

Искусственно взращенная наша промышленность и по качеству издѣлій, почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ, отстаетъ отъ индустріи другихъ странъ. Безъ поддержки таможеннаго огражденія она даже на внутреннемъ рынкѣ и теперь не можетъ выдержать соперничества съ иностранными продуктами и малѣйшее пониженіе тарифа на извѣстные предметы приводитъ въ упадокъ заводы и фабрики, ихъ производящіе.

Такая экономическая политика создала для нашего отечества, въ сонмѣ другихъ державъ, совершенно исклю-

чительное положеніе. Въ Россіи всѣ продукты сельскаго хозяйства — хлѣбъ, фуражъ, молочныя произведенія, скотъ, мясо, живность, яйца, — продаются много дешевле, чѣмъ въ западныхъ государствахъ, а произведенія обрабатывающей промышленности, при худшемъ качествѣ, стоятъ значительно дороже. Другими словами, наши сельскохозяйственные классы населенія зарабатываютъ меньше, а издерживать должны болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ, при нормальномъ экономическомъ ростѣ, всяческое поощреніе земледѣлія предшествовало покровительству промышленности обрабатывающей, которая развивалась соотвѣтственно послѣдовательному увеличенію благосостоянія народныхъ массъ.

Весьма важнымъ пособіемъ сельскому хозяйству, особенно при нашихъ климатическихъ условіяхъ, когда земля полгода находится подъ снѣгомъ, — служатъ кустарные промыслы, которые даютъ и самостоятельный заработокъ городскому мѣщанству.

По качеству своихъ издѣлій, какъ показала это наглядно послѣдняя кустарная выставка, — этотъ родъ промышленности стоитъ у насъ на самой первобытной степени развитія. Поэтому наша кустарная промышленность требуетъ во всѣхъ отношеніяхъ самаго широкаго поощренія и просвѣщенной о ней заботливости.

Но при этомъ надо имѣть въ виду, что промышленности — фабричная и кустарная — не должны быть одна другой противополагаемы. Поощреніе кустарнаго промысла въ ущербъ отечественнаго фабричнаго производства было бы, прежде всего, безцѣльно и безрезультатно, а потому всякія къ тому попытки могли бы только нанести ущербъ фабричной промышленности безъ всякой пользы для кустарной. Для той отрасли производства, которою овладѣла фабрика, уже нѣтъ, да и не должно

быть возврата къ ручному труду кустаря. Это означаетъ, что человѣкъ заставилъ силы природы работать, посредствомъ изобрѣтенныхъ имъ машинъ, наиболѣе производительно, съ наименьшею затратою труда, а, слѣдовательно, дешевле.

Кустарный промыселъ можетъ существовать и успѣшно развиваться рядомъ съ фабричной промышленностью. За нимъ всегда сохранится производство наиболѣе совершенныхъ издѣлій, требующихъ художественнаго вкуса: онъ граничитъ тогда съ областью изящнаго искусства. Есть отрасли производства, гдѣ ручной трудъ имѣетъ большія преимущества передъ фабричнымъ, и другія, гдѣ требуется взаимодѣйствіе кустарнаго и фабричнаго производства.

Бѣдность русскаго сельскаго люда опредѣляетъ также размѣры и степень развитія у насъ *внутренней и внѣшней торговли.*

Общая сумма оборотовъ внутренней торговли не можетъ быть опредѣлена сколько нибудь вѣрно, но при рѣдкомъ населеніи, громадности разстояній, недостаткѣ и неудовлетворительности путей сообщенія, — она не отличается оживленіемъ. Только въ многолюдныхъ городахъ она является постоянною и спеціализированною по родамъ и видамъ товаровъ; въ малыхъ городахъ торгуютъ только самыми необходимыми предметами безъ всякой спеціализаціи, — а въ селахъ и деревняхъ торговое заведеніе составляетъ величайшую рѣдкость. Поэтому у насъ и теперь очень развиты разносный и развозный торгъ и періодическія торжища — ярмарки.

Что касается внѣшней торговли, то важнѣйшія страны міра по величинѣ своихъ торговыхъ оборотовъ въ 1895 г., переложенныхъ на одного жителя, шли въ слѣдующемъ порядкѣ: Голландія — 406; Бельгія — 181;

Великобританія — 164; Франція — 69; Германія — 62; Соединенные Штаты — 44; Австро-Венгрія — 26, а Россія — 10 рублей.

При этомъ Россія вывозитъ преимущественно жизненные припасы и сырые матеріалы, причемъ на издѣлія приходится не болѣе 3% всего вывоза, — а получаетъ изъ-за границы главнымъ образомъ продукты заводской и фабричной обработки.

Отмѣтимъ также, что даже съ тѣми сосѣдними странами, которыя, по своей отсталости, могли бы быть доступны для нашей промышленной эксплоатаціи, какъ Китай и Персія, торговый балансъ оказывается не въ нашу пользу, а наша внѣшняя торговля съ Турціей выражается въ совершенно ничтожныхъ суммахъ.

Собственно русскій народъ, коренное населеніе Имперіи, принимаетъ какъ въ крупной промышленности, такъ и въ крупной торговлѣ болѣе чѣмъ второстепенное участіе. Сколько нибудь значительныя предпріятія находятся въ рукахъ иностранцевъ или инородцевъ, преимущественно нѣмцевъ.

Академикъ И. И. Янжулъ приводитъ такой отзывъ о нашей торговлѣ очень опытнаго и компетентнаго лица, которому „Экспортный клубъ“ въ Вѣнѣ поручилъ изучить нашъ рынокъ на мѣстѣ. „Русскій купецъ, насколько это касается прирожденнаго русскаго, совершенно лишенъ западно-европейской коммерческой подготовки... Русскій отъ природы мелочной торговецъ, очень ловкій въ обращеніи съ покупателями, но къ оптовой торговлѣ онъ не имѣетъ ни влеченія, ни необходимаго для того образованія, и встрѣчающіяся иногда исключенія только подтверждаютъ общее правило. Онъ не имѣетъ и понятія, какъ много современный купецъ въ Европѣ, въ настоящее время, долженъ учиться и знать, дабы удовлетворить своему назначенію. Поэтому розничная тор-

говля въ Россіи находится въ русскихъ рукахъ, но оптовая торговля, какъ ввозъ, такъ и вывозъ, прежде всего находится въ рукахъ германцевъ и утвержденіе, что Россія въ коммерческомъ отношеніи является лишь большой нѣмецкой колоніей, находитъ свое полное оправданіе".

Такую зависимость отъ нѣмцевъ подтверждаютъ также всегда столь обстоятельныя донесенія американскихъ консуловъ. И. И. Янжулъ приводитъ донесеніе американскаго генеральнаго консула Франка Масона, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что народъ въ Россіи „вообще мало образованъ, довѣрчивъ, болѣе или менѣе непредусмотрителенъ и неискусенъ въ тонкостяхъ коммерческой экономіи. Такіе народы естественно рады купцу иностранцу (въ данномъ случаѣ — нѣмцу), который является къ нимъ, говоритъ на ихъ языкѣ, изучаетъ и заботится объ ихъ торговыхъ потребностяхъ и даетъ имъ въ заключеніе выгодныя условія и долгій кредитъ... Это старая исторія, которая часто повторялась въ отношеніяхъ также Англіи къ разнымъ малообразованнымъ странамъ".

Не стѣсненіями или ограниченіемъ правъ иностранцевъ и инородцевъ на промышленность и торговлю въ Россіи можно, конечно, ослабить нашу отъ нихъ экономическую зависимость. Пострадали бы отъ этого только русская промышленность и торговля безъ всякой рѣшительно выгоды для коренного населенія Имперіи.

Надо поставить массу русскаго народа, его крестьянское населеніе, въ такія соціальныя и экономическія условія, чтобы оно выдѣляло изъ себя въ верхніе слои людей состоятельныхъ и просвѣщенныхъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ его численному превосходству. Люди эти, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ народный капиталъ, безъ всякихъ мѣропріятій правительства, поощри-

тельныхъ для однихъ и ограничительныхъ для другихъ, вытѣснятъ съ поля отечественной производительности иностранцевъ и будутъ на немъ съ полнымъ успѣхомъ конкурировать со своими инородными согражданами. Только тогда станетъ возможной и самая ассимиляція этихъ инородцевъ съ кореннымъ населеніемъ Россіи.

При настоящихъ условіяхъ — собственно для русскаго народа — промышленность и торговля въ своихъ главныхъ чертахъ мало измѣнились со временъ до-петровскихъ: ручное производство первобытными способами предметовъ грошевой стоимости; разносъ и развозъ; „торги", приноровленные къ престольнымъ праздникамъ; торговля по мелочи, — а все, что покрупнѣе и выгоднѣе, не въ русскихъ рукахъ, — здѣсь русскій человѣкъ теперь является по большей части въ роли дешеваго и неискуснаго рабочаго.

Казна занимается у насъ и теперь заводской промышленностью и торговлей, въ чемъ нельзя не видѣть одного изъ проявленій нашей экономической отсталости.

Правительство страны не имѣетъ своей собственности. Могутъ быть государственныя имущества, движимыя и недвижимыя, то-есть имущества, принадлежащія всему народу въ составѣ государства, и въ этомъ смыслѣ долженъ быть понимаемъ терминъ „казенное имущество" но собственно правительству и казнѣ правительственной, по самой ихъ природѣ, не можетъ принадлежать въ собственность ни одной пяди земли, ни одного мѣднаго гроша денегъ.

Въ промышленномъ дѣлѣ казна орудуетъ, такимъ образомъ, черезъ чиновниковъ на чужія деньги, собираемыя съ населенія при посредствѣ налоговъ.

Она лишена поэтому главнаго стимула, обезпечивающаго успѣхъ частной промышленности: личнаго интереса, вызывающаго соединенную съ рискомъ предпріим-

чивость, изощряемую съ своей стороны конкуренціей. Къ этому присоединяются невыгоды неизбѣжныхъ въ казенномъ предпріятіи канцелярскаго формализма и контрольныхъ стѣсненій.

Казенная промышленность, сокращая поле частной предпріимчивости, имѣетъ, особенно въ условіяхъ нашего государственнаго строя, еще то вредное послѣдствіе, что она размножаетъ и безъ того многочисленную армію чиновниковъ, людей, зависимыхъ отъ правительства, обезпеченныхъ отъ него содержаніемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ и не вынужденныхъ, въ борьбѣ за существованіе, искать приложенія своего труда въ производительныхъ занятіяхъ.

Отъ промышленности и торговли обратимся теперь къ служащимъ имъ *путямъ сообщенія*.

О ничтожности размѣровъ *русскаго торговаго мореплаванія* свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

Въ 1897 г. на всѣхъ омывающихъ Россію моряхъ, кромѣ Каспійскаго, гдѣ мы монополисты, русскія суда дальняго плаванія, не каботажныя, составляли только 13,1%. Даже Финляндія превосходитъ насъ числомъ своихъ морскихъ судовъ (2.469 противъ 2.185 въ 1900 г., считая паровыя и парусныя), а тоннажъ ея торговаго флота (333.049) почти равняется нашему (367.056).

Мы уплачиваемъ иностранцамъ за морскую доставку своихъ грузовъ на ихъ судахъ до 80 милліоновъ рублей въ годъ.

Переходя отъ морского сообщенія къ *рѣчному* внутри Россіи, приходится отмѣтить не меньшую отсталость, если не по протяженію водныхъ путей, доступныхъ судоходству, то по степени ихъ благоустройства. Даже двѣ главныя наши водныя артеріи, — Волга и Днѣпръ — представляютъ на всемъ ихъ протяженіи много-

численныя препятствія судоходству, а впаденіе ихъ въ моря есть не болѣе, какъ географическая фикція, — въ дѣйствительности эти рѣки разобщены съ моремъ обширными отмелями, недоступными для торговыхъ судовъ.

На громадномъ пространствѣ Россіи въ 1896 г. было всего 22.518 верстъ *шоссированныхъ дорогъ*, а во Франціи 250.000 верстъ; въ Англіи 36.000 верстъ большихъ шоссейныхъ дорогъ, кромѣ проселочныхъ, которыя тоже по большей части шоссированы.

Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, Россія, не щадя средствъ, заботы свои о путяхъ сообщенія сосредоточила на развитіи своей *желѣзнодорожной сѣти*.

Къ 1 января 1902 г. въ Россіи, Европейской и Азіатской, было открыто для движенія 52.180 верстъ желѣзнодорожнаго пути, изъ которыхъ на Европейскую Россію приходится 44.829 в. Цифра, сама по себѣ, очень большая. Протяженіе желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи немного отстаетъ отъ размѣровъ желѣзнодорожной сѣти въ Германіи и нѣсколько превышаетъ его во Франціи, Австро-Венгріи и Англіи. Только въ Америкѣ протяженіе желѣзныхъ дорогъ достигаетъ 380.000 километровъ, изъ которыхъ болѣе 300.000 приходится на Соединенные Штаты, но здѣсь сравненій уже приходится искать съ разстояніями планетъ въ міровомъ пространствѣ: луна отстоитъ отъ земли (въ среднемъ своемъ удаленіи) на 384.000 километра. Правильное понятіе о степени развитія желѣзнодорожной сѣти въ отдѣльныхъ государствахъ можно, однако, получить, только вычисливъ, сколько километровъ желѣзнодорожнаго пути приходится на единицу населенія и опредѣленную единицу пространства. Взявъ для сравненія 1897 г., мы увидимъ, что съ 36 километрами на 100.000 ж. Европейская Россія занимаетъ въ Европѣ послѣднее мѣсто, если не брать для сравненія Турціи,

Болгаріи и Сербіи; а по густотѣ желѣзнодорожной сѣти, съ 7 километрами ж. дорогъ на 1.000 кил. пространства — предпослѣднее; въ этомъ отношеніи Бельгія превосходитъ ее въ 27 разъ, Англія — въ 15, Голландія и Швейцарія — въ 13, Германія — въ 12 и Франція — въ 11 разъ.

При этомъ самая продуктивность работы желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы въ нѣсколько разъ превышаетъ нашу.

Возьмемъ для сравненія сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ одинаковаго протяженія въ Россіи и Пруссіи (около 30 тыс. килом.): за десятилѣтіе 1887—1896 г. русской казнѣ желѣзныя дороги принесли убытокъ въ 258 мил. р., прусская же получила за девять лѣтъ въ томъ же приблизительно періодѣ чистой прибыли 2.689 мил. мар.

Наше *финансовое неустройство*, въ значительной мѣрѣ вызываемое бѣдностью населенія, служитъ въ то же время источникомъ его обѣднѣнія.

Бюджетное равновѣсіе и ростъ доходовъ нельзя отождествлять съ финансовымъ благоустройствомъ. Сведеніе бюджетовъ безъ дефицитовъ есть, правда, одно изъ условій правильнаго финансоваго хозяйства, хотя далеко не важнѣйшее, — а ростъ доходовъ можетъ быть и указателемъ чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ силъ народа.

Финансовая система удовлетворяетъ идеальнымъ требованіямъ правильнаго обложенія, когда въ видѣ прямыхъ налоговъ берутъ съ населенія на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ возможно меньшую часть его чистаго дохода; когда бѣднѣйшій классъ, съ доходомъ, не превышающимъ извѣстной нормы, освобождается отъ налога, а съ отдѣльныхъ группъ платель-

щиковъ онъ взыскивается въ прогрессіи, возрастающей соотвѣтственно степени ихъ состоятельности. При соблюденіи этого условія, прямымъ налогамъ должно быть отдаваемо предпочтеніе передъ косвенными, такъ какъ послѣдніе уплачиваетъ въ томъ же размѣрѣ богатый и бѣдный. Послѣдній долженъ сократить потребленіе обложенныхъ акцизомъ предметовъ или платить столько же сколько и богатый. Богачъ, имѣющій сто тысячъ дохода, не можетъ во сто разъ болѣе употребить алкоголя, выкурить табаку, съѣсть сахару и издержать спичекъ, — чѣмъ недостаточный семьянинъ, могущій издерживать въ годъ только одну тысячу рублей. Затѣмъ достоинства финансовой системы зависятъ отъ того, насколько производительно тратятся собираемыя съ населенія средства.

Можно ли говорить о благоустройствѣ русскихъ финансовъ, когда подати поглощаютъ у насъ почти весь доходъ огромнаго большинства самаго бѣднаго сельскаго населенія, не оставляя ему достаточно средствъ на прокормленіе, когда косвенные налоги въ нашемъ бюджетѣ въ нѣсколько разъ превышаютъ прямые, — уже не говоря о другихъ дефектахъ, какъ, напримѣръ, обращеніе почтовой и телеграфной регалій въ доходную статью при крайне недостаточномъ развитіи почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій.

Что же касается распредѣленія расходовъ по предметамъ назначенія, то вопросъ этотъ освѣтитъ слѣдующая таблица, составленная по сравнительному изслѣдованію нѣмецкаго экономиста Р. фонъ-Кауфмана:

Государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ въ 1892 г. приходилось на одного жителя въ маркахъ:

	Франція.	Пруссія.	Велико-британія.	Австрія.	Италія.	Россія.
1) Всѣхъ расходовъ. . .	94,60	92,49	82,62	65,64	59,97	28,30
2) Общее управленіе . .	4,40	6,38	2,65	6,09	4.10	3,7
3) Внутренняя безопасность (полиція, суды, тюрьмы, блатворительность, медицина)	5,08	7,81	12,66	5,02	5.32	1,86
4) Церковь	1,37	0,90	—	0,60	—	0,38
5) Образованіе, науки и искусства	6,63	7,72	6,30	4.45	3,06	1,13
6) Средства сообщенія (безъ почтъ и телеграфовъ) .	7,96	4,02	4,18	2,83	5,86	0,83
7) Воспособленіе земледѣлію, промышленности обработывающей и торговлѣ	1,12	1,53	0 85	2,51	0.33	0,46
8) Издержки взиманія доходовъ и ихъ извлеченія, почта, телеграфъ, каз.жел. дороги	8,91	33,80	6,44	16,14	6,47	3,24
9) Государственный долгъ	22,08	10.08	14,85	12,02	18,55	6,05
10) Оборона страны . . .	18,70	11,16	16,73	7,41	9,35	8,01

Изъ этой таблицы видно, что мы болѣе всего отстаемъ отъ другихъ народовъ въ расходахъ на самыя производительныя потребности—на народное образованіе, внутреннюю безопасность и средства сообщенія.

Если же русскій человѣкъ уплачиваетъ налоговъ въ три раза менѣе француза, пруссака и англичанина и въ два раза менѣе австрійца и итальянца, то это доказываетъ только, что онъ настолько же ихъ бѣднѣе, такъ какъ налоги достигаютъ у насъ весьма значительнаго напряженія и, судя по количеству недоимокъ по окладнымъ сборамъ, превышаютъ платежныя силы населенія.

Наши государственные расходы уже превысили два милліарда рублей. Въ 1852 году они равнялись скром-

ной цифрѣ двухъ сотъ восьмидесяти съ небольшимъ милліоновъ руб., и за пятьдесятъ лѣтъ увеличились такимъ образомъ въ семь разъ. Въ Англіи и во Франціи государственный расходъ увеличился за это полстолѣтіе немного болѣе, чѣмъ вдвое. Разница эта не можетъ быть объяснена приростомъ населенія и присоединеніемъ новыхъ территорій, такъ какъ тѣ-же факторы, хотя быть можетъ и въ меньшей степени, вліяли и на ростъ бюджетовъ Франціи и Англіи Не служитъ тому достаточнымъ объясненіемъ и несомнѣнное оживленіе нашей экономической жизни вслѣдствіе реформъ Александра II, тѣмъ болѣе, что ростъ нашего бюджета сталъ особенно стремителенъ за послѣдніе годы.

Отсюда нельзя не придти къ заключенію, что возрастаніе нашихъ государственныхъ расходовъ не служитъ указателемъ соотвѣтственнаго ему увеличенія благосостоянія страны и не ослабляетъ приведенныхъ выше данныхъ, доказывающихъ, что народное хозяйство у насъ быстро падаетъ.

Заключеніе это подтверждаютъ помѣщаемыя въ отчетахъ Государственнаго Контролера свѣдѣнія о ростѣ недоимокъ по окладнымъ сборамъ и выкупнымъ платежамъ. Оно находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ недавно изданномъ Министерствомъ Финансовъ «Сводѣ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ за десятилѣтіе 1888—1897 гг.». Сводъ этотъ подтверждаетъ, что недоборъ податей сталъ у насъ за этотъ періодъ «обычнымъ явленіемъ», но сопровождающая сводъ объяснительная записка видитъ въ немъ только проявленіе временнаго ослабленія платежеспособности сельскаго населенія, вызываемаго недородомъ хлѣбовъ, а отнюдь «не глубокое хозяйственное разстройство населенія». Вѣрнѣе было бы сказать, что и самые недороды хлѣбовъ

такъ же, какъ и недоборъ податей, суть несомнѣнныя проявленія глубокаго разстройства народнаго хозяйства.

Народное просвѣщеніе служитъ однимъ изъ самыхъ могучихъ двигателей матеріальнаго, экономическаго прогресса страны. Отъ степени развитія въ государствѣ народнаго образованія, отъ того, насколько глубоко оно проникаетъ въ народныя массы,—находятся въ прямой зависимости успѣхи сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли.

Бо̀льшая производительность труда грамотныхъ рабочихъ въ Россіи, какъ это опредѣлилось на II съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому образованію, колеблется между 7 и 50%, смотря по роду производства и разряду пройденной школы.

Даже обыкновенная грамотность, т. е. умѣнье читать и писать, обнаруживаетъ весьма благопріятное вліяніе на качество работы. Но вполнѣ благотворнаго вліянія можно, конечно, ожидать только отъ правильно поставленной школы, развивающей въ ученикахъ вниманіе и наблюдательность, качества, столь необходимыя для всякой работы, а особенно на машинахъ.

Только высокая степень народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ Америки даетъ имъ возможность давать своимъ рабочимъ самую высокую заработную плату въ свѣтѣ безъ удорожанія при томъ производства.

Народное просвѣщеніе въ Россіи стоитъ на самой низкой степени развитія, какъ это видно изъ слѣдующихъ сравнительныхъ данныхъ.

Процентъ населенія, находящагося въ школахъ: Соединенные Штаты Америки—28%, Англія—16%, Франція—15%, Австрія—13%, Японія—8%, Россія—3,%.

Число взрослаго населенія, умѣющаго читать: Гер-

манія и Скандинавія—93%, Швейцарія—95%, Соединенные Штаты—92%, Великобританія—90%, Франція—85%, Россія—16%.

Понятно, что столь невѣжественный рабочій, и къ тому же слабосильный, почти не питающійся мясомъ,—зарабатываетъ немного и вырабатываетъ мало, какъ это показываетъ составленная американскимъ статистикомъ Райтомъ сравнительная таблица о средней заработной платѣ и среднемъ ежегодномъ производствѣ на 1 рабочаго (перевожу доллары въ рубли):

Страны:	Ежегодная плата на 1 рабочаго.	1 рабочій производитъ въ годъ на
Россія	240 рублей.	462 рублей.
Австрія	300 »	818 »
Германія	310 »	1.090 »
Франція	350 »	1.090 »
Великобританія . . .	408 »	1.520 »
Соединенные Штаты .	694 »	3.776 »

Въ результатѣ, если сумму дохода страны отъ главнѣйшихъ видовъ промышленности (земледѣлія, мануфактуры, горнаго дѣла, транспортнаго дѣла) и торговли раздѣлить на число жителей, то, по Мильгалю, получится на человѣка (по переводѣ фунта стерлинговъ въ рубли): въ Великобританіи—520, во Франціи—360, въ Германіи—320, въ Австріи—190, а въ Россіи—130 руб.*)

Дорого обходится Россіи невѣжество населенія, но недешево обойдется и достаточное удовлетвореніе потребности его въ начальномъ образованіи. По нѣкоторымъ исчисленіямъ, требуется 150 милліоновъ рублей въ годъ, чтобы обезпечить въ Россіи всѣмъ дѣтямъ школьнаго

*) Всѣ эти данныя заимствованы мною изъ статьи академика И. И. Янжула, помѣщенной въ изданномъ въ 1896 г. Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ сборникѣ—„Экономическая оцѣнка народнаго образованія“.

возраста начальное обученіе и притомъ въ училищахъ весьма невысокаго качества.

Задача нелегкая, но она уже разрѣшена не только въ богатыхъ культурою и матеріальными средствами странахъ Европы и Америки, но и въ нашей обиженной природой Финляндіи.

Отъ богатства страны зависитъ и *внѣшнее могущество* государства.

Многочисленность населенія Россіи даетъ ей возможность содержать въ мирное время армію въ милліонъ штыковъ. Согласованная съ другими реформами Александра II, всеобщая воинская повинность сдѣлала возможною и настоящую образцовую организацію войска. Поэтому Россія составляетъ въ сонмѣ міровыхъ державъ весьма внушительную силу.

Но вслѣдствіе нашей бѣдности поддержаніе вооруженныхъ силъ на требуемой обстоятельствами высотѣ вызываетъ для экономически обезсиленнаго населенія крайнюю степень напряженія.

«Вооруженный миръ» переносится легче богатыми странами, въ которыхъ естественныя богатства пріумножены культурою.

Въ Россіи каждый житель платитъ на войско и флотъ 3 р. 40 к., а семья, считая ее въ среднемъ изъ пяти душъ,—16 р. 20 к. *), и расходъ въ этомъ размѣрѣ составляетъ для него непосильное бремя. Французъ же и англичанинъ уплачиваютъ на тотъ же предметъ, относительно легко, первый—9 рублей съ души, а второй—8.

Самая война для бѣдной страны обходится, говоря

---

*) По росписи на 1902 годъ: 324.024.871 р. (военное министерство) + 93.597.666 (морское) = 417.622 537 р : 130.000.000 (населеніе)=3,44.

относительно, въ нѣсколько разъ дороже, чѣмъ для богатой, вызывая долго длящееся истощеніе ея матеріальныхъ силъ. Богатые-же народы скоро оправляются отъ чрезвычайной затраты силъ въ военное время.

Собственно военные расходы на двѣ войны наши съ Турціей, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, составляютъ только меньшую часть того, во что войны эти намъ въ дѣйствительности обошлись *). Одно разстройство денежнаго обращенія стоило намъ много дороже военныхъ, собственно, расходовъ.

Возстановленіе металлическаго обращенія по вызванному послѣдней войной низкому курсу бумажнаго рубля стоило Россіи 600 милліоновъ рублей, взысканныхъ съ народа на пополненіе металлическаго фонда, и 1.200 милліоновъ рублей, составляющихъ капитализацію увѣковѣченныхъ при девальваціи приплатъ за границей по государственнымъ займамъ, выпущеннымъ въ металлической валютѣ. А во что обошлись странѣ самыя колебанія цѣны денегъ, тогда какъ курсъ бумажнаго рубля передъ войной, относительно высокій, шелъ на повышеніе и при благопріятныхъ условіяхъ нашей внутренней жизни и внѣшнемъ мирѣ естественно сравнялся бы съ золотымъ рублемъ.

Недомоганіе отъ всей этой денежной пертурбаціи мы еще и теперь испытываемъ.

Англія вела болѣе двухъ лѣтъ войну съ бурами и покрывала расходъ на нее, превысившій два милліарда рублей, посредствомъ умѣреннаго увеличенія налоговъ и денегъ, ссуженныхъ правительству самими англичанами, за процентъ, по нашему масштабу ничтож-

*) Въ круглыхъ суммахъ Крымская кампанія стоила Россіи одинъ милліардъ, а война 1877—1878 гг.—пятьсотъ милліоновъ рублей.

ный. Курсъ англійскихъ консолей, приносящихъ $2^1/_2{}^0/_0$, не понижался во время войны ниже 91.

Во Франціи тоже, благодаря ея богатству, слѣды погрома 1870 года исчезли очень скоро.

Въ началѣ прошлаго вѣка хозяйственная состоятельность народныхъ массъ, опредѣляющая главнымъ образомъ степень богатства страны,—была почти одинакова въ Россіи и въ большинствѣ государствъ Западной Европы. Мы видѣли, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находилось въ концѣ XVIII в. сельское населеніе во Франціи и Пруссіи.

Если бы съ того времени наше экономическое развитіе шло въ уровень съ этими странами, то въ XX столѣтіи мы не находились бы только въ ожиданіи разрѣшенія нашихъ историческихъ задачъ. „Ключи отъ нашего дома“ уже давно были бы у насъ въ карманѣ, а сосѣдняя Азія, съ ея 840 милліонами населенія, служила бы намъ, въ ея сопредѣльныхъ частяхъ, поприщемъ выгодной для насъ промышленной эксплуатаціи.

А теперь? Кто сосчитаетъ хотя бы то, во что обойдется русскому народу разрѣшеніе мірового кризиса въ Китаѣ на началахъ устраненія отдѣльныхъ сферъ вліянія и свободной для всѣхъ конкурренціи, — конкурренціи, дающей возможность богатымъ странамъ съ выгодою использовать ихъ запасы промышленной энергіи и передъ которой мы стоимъ съ пустыми руками, истративъ милліардъ рублей на постройку Сибирской желѣзной дороги *).

Таковы размѣры и значеніе нашей бѣдности, имѣющей объясненіе, главнымъ образомъ, въ современныхъ условіяхъ соціальнаго и экономическаго быта земледѣльческаго населенія Россіи.

---

*) Писано, когда о войнѣ съ Японіей еще не было рѣчи.

II.

Крестьяне въ сословномъ строѣ Россіи—прежде и теперь *).

Въ древней Россіи обособленныхъ сословій не было; ихъ не могло образоваться вслѣдствіе неосѣдлости князей, права отъѣзда дружинниковъ и полной свободы для каждаго избирать себѣ занятіе,—становиться воиномъ, пріобрѣтать поземельную собственность, заниматься торговлею и промыслами.

Въ Московскомъ государствѣ совершилось послѣдовательное закрѣпощеніе народа. Осѣвшій въ своей вотчинѣ великій князь нуждался въ безсмѣнной воинской рати и въ обезпеченномъ поступленіи податей и повинностей.

Главнымъ средствомъ содержанія служилыхъ людей стали земли, раздаваемыя имъ въ помѣстья. Помѣстье получило значеніе тяглаго участка, отъ котораго служилый человѣкъ не могъ по своей волѣ отказаться. Впослѣдствіи такое же значеніе пріобрѣли и вотчины.

Къ концу XVI столѣтія завершилось послѣдователь-

---

*) Послѣдовательное развитіе сословныхъ отношеній въ Россіи изложено подробнѣе въ моей книгѣ: «Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства». СПБ. 1898.

ное закрѣпощеніе сельчанъ и городскихъ обывателей, которые несли подати и повинности съ земель (называвшихся черными, въ отличіе отъ помѣстныхъ), съ торговъ и промысловъ. Отъ своей земли, торга или промысла никто изъ тяглыхъ людей не могъ уйти.

Различіемъ этихъ тяглъ опредѣлялись и сословныя различія отдѣльныхъ группъ населенія. Въ бытовомъ же отношеніи русскій народъ представлялъ массу вполнѣ однородную. Во всѣхъ своихъ слояхъ онъ сохранилъ, вплоть до Петра Великаго, первобытныя формы родового быта, одинаковыя вѣрованія и обычаи, а также уровень просвѣщенія, при которомъ простая грамотность, за рѣдкими исключеніями, была только профессіональной принадлежностью духовенства и приказныхъ.

Въ отличіе отъ княжеской дружины, а впослѣдствіи отъ ближней царской служни, все остальное населеніе носитъ названіе земскихъ людей.

Среда эта была не только въ бытовомъ отношеніи однородна, но вплоть до конца XVI столѣтія вполнѣ равноправна. Въ послѣдующее затѣмъ время, отъ конца XVI вѣка до второго десятилѣтія XVIII столѣтія, крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, но пользовались во всѣхъ другихъ отношеніяхъ правами свободныхъ людей, полноправныхъ членовъ общества. Затѣмъ, начиная съ первой ревизіи, крѣпость къ землѣ обращается для крестьянъ мало по малу въ личную неволю, въ рабство: они становятся собственностью своихъ владѣльцевъ и вполнѣ безправными.

Петръ Великій сохранилъ сословную закрѣпощенность русскаго народа, нуждаясь въ ней для достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей. Онъ даже довелъ тягловую повинность всѣхъ классовъ населенія до послѣдней степени напряженія. Тяжесть служилаго тягла усугубилась

вслѣдствіе преобразованія войскъ въ постоянную армію; къ безсрочной обязательной службѣ прибавилось для дворянъ обязательство учиться. Въ неменьшей степени увеличилась податная тяжесть и другихъ сословій.

Учрежденіемъ табели о рангахъ Петръ нанесъ смертельный ударъ породѣ, родовому началу въ служиломъ сословіи.

Вводя подушную подать, Петръ преслѣдовалъ исключительно фискальную цѣль. Люди бѣгали отъ тягла, отъ земли, отъ промысла и тѣмъ уклонялись отъ государственныхъ повинностей, — поэтому Петръ облагаетъ податью лицо плательщика и въ 1719 г. распоряжается переписать обязанное подушной податью населеніе. Подушная подать, вопреки намѣренію преобразователя, имѣла громадное вліяніе на обособленность отдѣльныхъ сословій. Благодаря ей, между сословіями—податнымъ и неподатнымъ, привилегированнымъ и непривилегированнымъ, благороднымъ и ревизскимъ—образовалась цѣлая пропасть, которая постоянно расширялась, вслѣдствіе примѣненія къ тѣмъ и другимъ различныхъ нормъ публичнаго и гражданскаго права и установившихся между ними глубокихъ различій бытового характера.

Обособленное такимъ образомъ служилое сословіе цолучаетъ общее наименованіе шляхетства и Петръ стремится придать ему внѣшній образъ западнаго дворянства—въ наружности и одеждѣ, въ занятіяхъ и забавахъ, въ почетныхъ титулахъ и геральдическихъ отличіяхъ; онъ приневоливаетъ его учиться; старается привить ему чувство собственнаго достоинства, воспрещая всякія проявленія подобострастія въ отношеніяхъ къ государю; учитъ его даже чистоплотности

Вводя во всѣхъ учрежденіяхъ коллегіальное начало для предупрежденія злоупотребленій власти, онъ плѣняется порядками мѣстнаго управленія въ остзей-

скомъ краѣ и учреждаетъ въ губерніяхъ ландратскія коллегіи, по выбору дворянъ, въ которыхъ представитель правительственной власти долженъ быть «не яко властитель, но яко президентъ».

Этотъ опытъ предоставленія шляхетству корпоративныхъ преимуществъ и правъ мѣстнаго самоуправленія оказался неудачнымъ, какъ и нѣкоторыя другія заимствованія у иностранцевъ, для которыхъ у насъ не было исторической почвы. При всемъ томъ вся совокупность мѣръ, принятыхъ Петромъ для приданія русскому шляхетству внѣшняго сходства съ западноевропейскимъ дворянствомъ,—въ связи съ усиленіемъ крѣпостного права и ослабленіемъ тяжести служебной повинности,—вызвала въ дворянахъ, при преемникахъ Петра, сознаніе своего сословнаго превосходства, породила въ нихъ чувство сословной чести.

Выразителями сословной обособленности дворянства явились дворянскіе депутаты въ созванной Екатериной II комиссіи для составленія уложенія.

Въ согласіи съ ихъ требованіями, совпадавшими съ политическими взглядами самой императрицы, дворяне получили впервые сословную организацію и законодательную санкцію своихъ особыхъ сословныхъ преимуществъ, личныхъ и корпоративныхъ.

При дѣйствіи чиновно-сословныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ реформѣ Екатерины II, преобладающее вліяніе на нашъ государственный, сословный и общественный строй обнаруживали: поземельныя права и отношенія,—табель о рангахъ,—и подушная подать.

Особенность поземельныхъ правъ и отношеній заключалась въ томъ, что одни потомственные дворяне могли владѣть поземельною собственностью внѣ городовъ,—а также въ крѣпостномъ правѣ.

По табели о рангахъ всѣ военнослужащіе офицерскаго чина и чиновники, начиная съ коллежскаго ассесора, были потомственными дворянами. Личное дворянство было лишь временной стадіей до выслуги въ гражданской службѣ чина VIII класса, а жалованная грамота еще облегчаетъ пріобрѣтеніе дворянства потомственнаго, постановляя, что личное дворянство въ третьемъ поколѣніи обращается въ потомственное.

Подушная подать и крѣпостное право создавали для всего крестьянскаго населенія вполнѣ безправное и зависимое положеніе.

Взаимодѣйствіе этихъ трехъ условій,—въ связи съ необразованностью купцовъ, которые въ огромномъ большинствѣ были податными людьми, выбиравшими гильдейскіе документы,—имѣло своимъ послѣдствіемъ:

1) что права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства принадлежали въ дѣйствительности почти всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ,

и 2) что корпоративныя права дворянства принадлежали въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ землевладѣльцамъ губерніи.

Съ начала прошлаго столѣтія начинается у насъ медленное теченіе естественнаго процесса обращенія сословныхъ привилегій въ общее право.

Въ 1801 г. предоставлено всѣмъ русскимъ подданнымъ, за исключеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ, право пріобрѣтать всякія земли безъ крестьянъ. Въ 1848 г. то же право предоставляется и крѣпостнымъ крестьянамъ.

Всѣ эти мѣры, направленныя къ сближенію сословій, могли, однако, имѣть весьма ограниченное дѣйствіе, пока крѣпостное право обнаруживало свое гнетущее вліяніе на весь соціальный и экономическій строй

русскаго государства. Въ знаменательный день 19 февраля 1861 г., благодаря благородному и мудрому почину императора Александра II, сняты были, наконецъ, съ русскаго народа узы крѣпостной неволи.

Въ манифестѣ, освобождавшемъ крестьянъ, Государь напоминалъ, что, при восшествіи на престолъ, положилъ

«въ сердцѣ Своемъ обѣтъ обнимать Нашею Царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, всякаго званія и положенія, отъ благородно владѣющаго мечомъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ».

Только послѣ освобожденія крестьянъ могли послѣдовать въ томъ же духѣ равноправности преобразованія такого высокаго значенія, какъ реформы мѣстнаго управленія, суда и воинской повинности.

Когда землевладѣніе окончательно утратило значеніе дворянской привилегіи, прямымъ послѣдствіемъ безсословнаго владѣнія явилось, по земскому положенію 1864 года, и для всѣхъ равноправное земское представительство въ мѣстномъ управленіи.

Въ указѣ, по поводу судебныхъ преобразованій, Государь говоритъ:

«Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и *равный для всѣхъ подданныхъ Нашихъ;* возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность, и вообще *утвердить въ народѣ Нашемъ, то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе* и которое должно быть постояннымъ руководите-

лемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Начало равноправности и желаніе освободить отъ сословной тяготы низшіе классы населенія легло въ основу и реформы воинской повинности.

Въ томъ же направленіи, соотвѣтствующемъ правильному и естественному росту страны, послѣдовала уже въ прошлое царствованіе отмѣна подушной подати.

Въ связи съ этими реформами поднялось значеніе городскихъ обывателей. Они освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній; городовое положеніе 1870 года привело ихъ въ равноправное общеніе съ дворянами и чиновниками; въ средѣ этого класса стали сосредоточиваться крупные капиталы, пріобрѣтенные въ торговлѣ и промышленности; хотя просвѣщеніе коснулось купечества и въ недостаточной еще степени, но и въ этой средѣ уже существуетъ не мало людей образованныхъ и развитыхъ, причемъ число ихъ постоянно увеличивается.

Все это вызвало существенное измѣненіе прежнихъ сословныхъ отношеній.

Въ просвѣщенномъ слоѣ, столь однородномъ при Екатеринѣ, — когда всѣ чиновники и всѣ землевладѣльцы были дворянами,—произошло раздвоеніе. Рядомъ съ потомственнымъ дворянствомъ явился довольно многочисленный классъ людей, правами этого сословія не пользующихся, но ничѣмъ отъ нихъ не отличающихся, ни по степени образованія и состоятельности, ни по роду профессіональныхъ занятій. При этихъ условіяхъ дальнѣйшее развитіе страны въ сторону равноправности было въ послѣднее время остановлено.

Возобладала у насъ политическая теорія, стремя-

щаяся доказать, что вѣрность нашимъ историческимъ традиціямъ и благо Россіи требуютъ реставраціи въ возможной чистотѣ и неприкосновенности порядковъ сословно-полицейскаго строя, заимствованныхъ нами у Европы XVIII вѣка.

Въ основу этой политики положены были: усиленіе правительственной власти, т. е. бюрократіи, за счетъ законности и самоуправленія, и кастовая обособленность сословій, соединенная съ возстановленіемъ дворянскихъ привилегій и съ замѣною для крестьянъ общаго гражданскаго порядка чиновной опекой.

Не только въ печатной пропагандѣ, но и въ практическомъ примѣненіи этой политической системы видная роль принадлежитъ дѣятелямъ ретроградной прессы и сословная ея сторона нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ извѣстномъ памфлетѣ А. Пазухина «Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ».

Замыслы людей этого направленія были весьма широкіе. Сословной тенденціи, отвлеченной и безпочвенной, имѣлось въ виду принести въ жертву всѣ пріобрѣтенія, которыя Россія сдѣлала въ реформахъ Александра II.

Съ самымъ фактомъ отмѣны крѣпостного права они по необходимости мирились, тѣмъ болѣе, что къ старымъ служилымъ правамъ дворянства присоединялось новое право выставлять «изъ своей среды» лицъ «для управленія крестьянскимъ сословіемъ» и что освобожденіе крестьянъ не порываетъ, будто бы, между дворянствомъ и крестьянами той связи, которая вызывается «потребностью для массы крестьянскаго населенія въ ближайшемъ руководствѣ и защитѣ, потребностью, которая не могла быть удовле-

творена властью безъ посредства помѣстнаго дворянства».

Что касается послѣдующихъ за крестьянскою реформъ, то онѣ подвергаются безпощадному осужденію и все новое, что онѣ внесли въ строй русской жизни, признается подлежащимъ тщательному искорененію.

«Земская и городская реформы являются самыми важными въ смыслѣ разрушенія историческаго строя нашей жизни. Онѣ оказали сильное разлагающее вліяніе на общественный бытъ и очень быстро расшатали порядокъ, державшійся на крѣпкой связи сословныхъ корпорацій съ Верховною Властью».

Что касается судебной реформы, то ей «суждено было закрѣпить новый порядокъ вещей, взявъ дезорганизованную Россію подъ свою защиту. Новыя судебныя учрежденія, не имѣющія связи съ исторіей нашего судопроизводства, организованныя по иностраннымъ образцамъ, вводились въ дѣйствіе въ эпоху самаго сильнаго возбужденія умовъ, когда господствовалъ духъ разрушенія всѣхъ основъ нашей исторіи. Составъ судовъ, прокуратуры и адвокатуры наполнился сторонниками этого отрицательнаго направленія, которые образовали очень сильную корпорацію. Поставленная въ положеніе независимое и самостоятельное, вооруженная правомъ карать и миловать, судебная корпорація имѣла полную возможность вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ, и это вліяніе сказывалось поощреніемъ самыхъ безобразныхъ явленій новаго строя жизни и безпощаднымъ бичеваніемъ всего, что носило слѣды дореформенной эпохи... Въ борьбѣ сословнаго начала съ безсословнымъ, порядка съ анархіей и власти съ своеволіемъ, новые суды заняли положеніе воюющей стороны и открыто стали въ опозицію къ власти, къ порядку и сословному принципу». Такой крамольный характеръ новыхъ судебныхъ учрежденій объ-

ясняется тѣмъ, «что дворянство было отстранено отъ участія въ мѣстномъ судѣ». Хотя составъ судебно-мирового института и состоялъ въ большей своей части изъ представителей помѣстнаго дворянства, но онъ былъ въ зависимости отъ безсословнаго земства, а потому не трудно было предвидѣть «до какого нравственнаго паденія дойдетъ мировой институтъ при полномъ торжествѣ безсословнаго начала».

«Реформы въ военномъ вѣдомствѣ завершили собою преобразовательную эпоху, дѣятели которой думали осчастливить Россію сліяніемъ сословій. Эти реформы нанесли послѣдній ударъ дворянству, какъ служилому сословію. Онѣ отняли у него всѣ преимущества по военной службѣ» *).

Въ этой политической теоріи, въ совершенно ясно выраженной формѣ, сказался атавизмъ крѣпостничества, а потому весьма поучительно сопоставить это однопредметное увлеченіе отвлеченной тенденціей съ приведенными выше возвышенными, благородными, полными государственной мудрости словами вѣнценоснаго обновителя русской земли.

Въ средѣ правительства сословная тенденція встрѣтила сочувствіе и готовность приступить, въ угоду ей, къ радикальной ломкѣ существующихъ учрежденій только у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. Это дало возможность завершить образцовую организацію нашихъ вооруженныхъ силъ на основѣ для всѣхъ одинаково обязательной воинской повинности и сохранить неприкосновенными основныя положенія судебныхъ уставовъ Императора Александра II. Впрочемъ, по судебной части министерству внутреннихъ дѣлъ удалось, вопреки со-

---

*) Всѣ цитаты относятся къ вышеприведенной брошюрѣ А. Пазухина.

противленія министерства юстиціи, присвоить администраціи судебную власть и даже кассаціонныя ея функціи въ мѣрѣ, достаточной для того, чтобы вся масса сельскаго населенія непривилегированныхъ сословій была подвѣдома общимъ, правильно организованнымъ судамъ только въ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ.

Проекты преобразованія мѣстныхъ учрежденій на сословномъ началѣ получили законодательную санкцію, когда графа Д. А. Толстого и его ближайшаго сотрудника Пазухина уже не было въ живыхъ, что дало возможность значительно сгладить крайности первоначальныхъ предположеній, какъ въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, такъ и при разсмотрѣніи ихъ въ государственномъ совѣтѣ.

Позднѣйшія узаконенія о мѣстномъ управленіи и крестьянскихъ учрежденіяхъ явились скорѣе выраженіемъ преходящаго настроенія минуты, чѣмъ плодомъ сознательной и созидательной работы правительства и законодательной власти въ направленіи, соотвѣтствовавшемъ практическимъ требованіямъ жизни. Они значительно усилили обособленность сословій вообще и въ особенности всего крестьянскаго населенія. Между безправнымъ и подопечнымъ большинствомъ сельскихъ обывателей и ничтожнымъ меньшинствомъ привилегированныхъ классовъ, живущихъ по общему праву, прошла цѣлая пропасть,—тогда какъ самые жизненные интересы нашего отечества требуютъ прежде всего устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ все сельское населеніе нашей земледѣльческой страны въ обособленную, инертную и безправную массу.

III.

Временный характеръ ограниченій полноправности крестьянъ по Положеніямъ 19 февраля 1861 года.

Безправіе крестьянъ имѣло свое основаніе въ крѣпостномъ правѣ, въ подушной подати и вызваной послѣдней круговой порукѣ. Крѣпостное право перестало существовать; отошла въ область преданій и подушная подать, — а для крестьянъ сохранились понынѣ весьма существенныя органиченія ихъ личной свободы и полноправности.

Ограниченія эти и вызываемая ими сословная обособленность объясняются прежде всего *приписной крѣпостью крестьянина его сословному обществу*.

Эта приписная сословная крѣпость въ настоящее время обусловливается: отсутствіемъ для бывшихъ податныхъ сословій закона, опредѣляющаго осѣдлость по дѣйствительнымъ признакамъ постояннаго мѣста пребыванія; затрудненіями для выхода изъ сословнаго общества, возможнаго только при согласіи другого общества принять крестьянина въ свою среду; характеромъ общественно-сословной службы, какъ обязательной повинности, и, наконецъ, паспортными правилами. Благодаря

этимъ стѣсненіямъ, русскій крестьянинъ, совершеннолѣтній, часто семьянинъ, и не ограниченный въ правахъ состоянія, не только затрудненъ въ избраніи себѣ рода жизни и занятія по призванію, но даже отлучиться не можетъ безъ согласія домохозяина или земскаго начальника.

Насколько эта сословно-приписная крѣпость составляетъ серьезное явленіе въ русской народной жизни, можно видѣть изъ того, что крестьянскимъ обществамъ принадлежитъ право ссылать своихъ сочленовъ въ Сибирь.

Причиной безправія крестьянъ служитъ далѣе *неопредѣленность ихъ гражданскихъ правъ въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній*, доходящая до сомнѣній относительно права крестьянина пріобрѣтать имущество въ личную собственность или распоряжаться имъ по завѣщанію.

Рядомъ съ ограниченіями личной свободы и шаткостью юридическаго быта, въ числѣ причинъ, обусловливающихъ сословную приниженность крестьянъ, слѣдуетъ поставить *тѣлесныя наказанія*, угнетающія чувство ихъ собственнаго достоинства.

Для крестьянъ существуютъ *особые органы управленія и суда*, дѣятельность которыхъ, — не регулируемая точными нормами положительнаго закона, — можетъ поэтому проявляться только въ опекѣ или произволѣ.

Сословной обособленностью крестьянъ вызываются *мірскіе сборы*, которые въ дополненіе къ выкупнымъ платежамъ и налогамъ, общимъ для всѣхъ сословій государства, — окончательно истощаютъ податныя силы крестьянъ.

Всѣ эти ограниченія правъ и сословная обособленность сельскаго населенія, берущія свое происхожденіе въ крѣпостномъ правѣ и подушной подати, основаны въ значительной степени и на соотвѣтствующихъ постано-

вленіяхъ Положеній 19 февраля 1861 года, — но не вина составителей этихъ Положеній, если сословныя путы продолжаютъ еще угнетать русскій народъ почти полстолѣтія послѣ освобожденія крестьянъ.

Извѣстно, что законодательный актъ 19 февраля 1861 г. не сразу и не всѣмъ крестьянамъ одновременно предоставлялъ весь объемъ правъ, принадлежащихъ свободнымъ гражданамъ государства.

Надѣленіе крестьянъ землею и выкупъ этой земли у помѣщиковъ, при посредствѣ сложной и крупной финансовой операціи, вызывали необходимость весьма существеннаго ограниченія правъ и личной свободы крестьянъ для обезпеченія помѣщикамъ исправнаго отправленія барщины или полученія оброка въ стадію временно-обязанныхъ отношеній, а затѣмъ для огражденія интересовъ фиска до завершенія выкупа надѣльной земли.

Съ другой стороны, устройство особыхъ крестьянскихъ учрежденій вызывалось естественнымъ стремленіемъ поставить крестьянскую реформу въ ея послѣдовательномъ развитіи внѣ всякой зависимости отъ существовавшихъ въ то время мѣстныхъ учрежденій, административныхъ и судебныхъ, — съ ихъ мертвящимъ канцеляризмомъ, безконечной волокитой, наглой продажностью, и которыхъ притомъ ожидало коренное преобразованіе.

Надо имѣть также въ виду, что составители Положеній 19 февраля 1861 г., дѣйствуя въ условіяхъ своего времени, имѣли возможность подробно и обстоятельно разработать крестьянскій вопросъ только въ тѣхъ его частяхъ, которыя требовали соотвѣтственныхъ распоряженій на первыхъ же порахъ послѣ провозглашенія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землею. Они должны были по необходимости предоставить будущему разрѣшеніе крестьянскаго

дѣла во всей его полнотѣ и разработку тѣхъ его подробностей, которыя могли быть ими намѣчены только въ общихъ чертахъ. Нельзя было, напримѣръ, откладывать освобожденія крестьянъ до подробнаго изученія основъ ихъ общиннаго и семейнаго быта, изученія, совершенно необходимаго для установленія твердаго правопорядка въ крестьянской средѣ. Трудно было также уже тогда предвидѣть, окажутся ли дѣйствительно необходимыми тѣ ограниченія правъ крестьянъ, которыя были намѣчены въ рядѣ вопросовъ, связанныхъ съ окончательнымъ завершеніемъ крестьянской реформы.

При всемъ томъ начало равноправности совершенно послѣдовательно проведено было въ коренныхъ постановленіяхъ Общаго Положенія о крестьянахъ 1861 года, распространившаго на крестьянъ дѣйствіе общихъ законовъ гражданскихъ относительно правъ семейственныхъ, личныхъ и по имуществу и допустивъ въ этомъ отношеніи извѣстныя временныя ограниченія исключительно въ интересахъ фискальныхъ. Даже надѣльною землею по уплатѣ выкупной ссуды предоставлено было крестьянамъ распоряжаться съ соблюденіемъ общихъ узаконеній; даже общинное владѣніе на выкупленныхъ земляхъ становилось владѣніемъ общимъ въ смыслѣ опредѣленія законовъ гражданскихъ, съ правомъ каждаго участника требовать выдѣла себѣ соотвѣтственной доли въ личную собственность безъ всякихъ ограниченій относительно продажи ея кому угодно *). Законоположенія 19 февраля 1861 г. съ достаточной ясностью и опредѣлительностью предоставляютъ крестьянину, послѣ окончательной уплаты выкупной ссуды, въ составѣ ли общества или при досрочномъ ея погашеніи отдѣльными крестьянами, —

*) Общ. Полож. о кр. 19 февр. 1861 г., ст. ст. 12, 21, 22, 23, 29, 31, 33, 34, 35, 36, 37.

права неограниченной личной свободы и гражданской равноправности съ лицами другихъ состояній и крестьянинъ, выкупившій отдѣльный участокъ въ личную собственность, пользуется правомъ безпрепятственнаго выхода изъ общества*). Крестьяне подчинены были общимъ губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ (ст. 19) и только *для приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами,* учреждены: 1) губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; 2) уѣздные мировые съѣзды; 3) уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія; 4) непремѣнные члены уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и 5) мировые посредники (ст. 20 Общ. Пол.).

Допустивъ свободную продажу выкупленныхъ усадебъ и надѣльныхъ земель лицамъ всякаго званія (ст. 165 Пол. о вык.), Положенія 19 февраля 1861 г. тѣмъ самымъ предрѣшали безсословный характеръ сельскихъ обществъ.

Что касается волостей, то въ журналахъ редакціонныхъ комиссій прямо выражено, что сословный характеръ имъ приданъ временно изъ опасенія, чтобы на первыхъ порахъ послѣ освобожденія крестьяне не подпали вліянію своихъ бывшихъ помѣщиковъ.

Только уступая необходимости и до преобразованія судебной части, составители Положеній 19 февраля 1861г. образовали волостной судъ съ ограниченной компетенціей для самыхъ маловажныхъ уголовныхъ проступковъ и для гражданскихъ исковъ не выше 100 р. (ст. 95, 96, 97 Общ. Пол.).

Всѣ остальныя судебныя дѣла крестьянъ были отнесены къ юрисдикціи общихъ судовъ съ примѣненіемъ

---

*) Пол. вык., ст. 170.

общихъ законовъ. Особымъ постановленіемъ (ст. 38) крестьянамъ *дозволялось* руководствоваться обычаемъ въ дѣлахъ наслѣдственныхъ, что само по себѣ не вызываетъ необходимости спеціальнаго крестьянскаго суда, обязывая лишь судью, въ случаѣ ссылки сторонъ на обычай, удостовѣриться въ его существованіи.

Все это создавало условія, впередъ предрѣшавшія: подчиненіе крестьянъ общему праву, безсословность сельскаго общества и волости и временный характеръ особыхъ крестьянскихъ учрежденій—мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій—созданныхъ для завершенія дѣла крестьянской реформы.

Съ этой почвы основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 года законодательство наше впервые, но рѣшительно отступило въ положеніяхъ 1889 года объ учрежденіяхъ крестьянскихъ, административныхъ и судебныхъ.

IV.

Законы 1889 года.

Послѣдовавшія за освобожденіемъ крестьянъ реформы,—земская и воинской повинности, отмѣна подушной подати и выяснившіеся результаты выкупной операціи,—давали полную возможность направить законодательную дѣятельность въ сторону гражданской и политической равноправности крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ государства, безъ чего страна наша не можетъ правильно развиваться и процвѣтать.

Хотя другія заботы и отвлекали вниманіе правительства отъ этого дѣла, тѣмъ не менѣе первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы. Судебныя функціи крестьянскихъ учрежденій уже въ 1865 г. были переданы судебнымъ установленіямъ. Въ 1874 г. были упразднены мировые посредники и ихъ съѣзды; послѣдніе были замѣнены уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, которыя, какъ и присутствія губернскія, не претендовали на роль постоянныхъ органовъ мѣстнаго управленія, а сохраняли значеніе учрежденій временныхъ, предназначенныхъ къ упраздненію съ момента пріобрѣтенія крестьянами гражданской полноправности.

Кромѣ того, для окончательнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла въ духѣ освободительнаго акта 19 февраля 1861 года, были сдѣланы весьма серьезныя подготовительныя работы. Комиссіями о волостныхъ судахъ, податной, валуевской, кахановской и предшествовавшими послѣдней сенаторскими ревизіями собранъ былъ богатый матеріалъ для основательнаго ознакомленія съ экономическимъ положеніемъ и юридическимъ бытомъ крестьянъ.

Послѣ того, какъ указано выше, возобладала полицейская тенденція, которая легла въ основу положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, правилъ объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено означенное положеніе, и правилъ о волостномъ судѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ.

Узаконеніями этими, въ смыслѣ сословной обособленности, достигнуты слѣдующіе результаты.

Земскіе участковые начальники назначаются изъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, владѣющихъ, по малой мѣрѣ, усадьбою въ предѣлахъ подлежащаго уѣзда. Только при совершенной невозможности замѣстить всѣ должности земскихъ начальниковъ представителями помѣстнаго дворянства, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено пополнять ихъ составъ чиновниками изъ лицъ, получившихъ высшее или среднее образованіе *).

Земскимъ начальникамъ подчинены всѣ органы сословнаго крестьянскаго управленія; они могутъ пересматривать, а въ составѣ своихъ съѣздовъ и отмѣнять всякіе приговоры крестьянскихъ сходовъ, причемъ велѣнія предоставленной имъ власти замѣняютъ законъ, отсутствующій въ бытовой сферѣ крестьянскихъ правоотношеній.

---

*) Пол. о з. уч. нач., ст. 6—15.

На земскаго начальника возложено „попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи ввѣреннаго ему участка“ *).

Земскимъ начальникамъ предоставлено лишать крестьянъ свободы и подвергать ихъ денежному взысканію безъ суда и расправы, и безъ права обжалованія такихъ распоряженій **). По первоначальному толкованію министерства внутреннихъ дѣлъ, Положеніе 12 іюня 1889 г., устанавливая, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, „попечительство надъ сельскими обывателями“, предоставило имъ „соотвѣтствующія означенной ихъ власти права“. Одно изъ проявленій такого рода власти и есть право земскихъ начальниковъ, по ст. 61 полож. о зем. уч. нач., подвергать крестьянъ аресту и денежному взысканію „безъ формальнаго производства,— слѣдовательно, безапелляціонно и немедленно“.

Законы о крестьянахъ 1889 года, по намѣренію ихъ составителей, преслѣдовали такимъ образомъ цѣль, прямо противоположную освободительной реформѣ 19 февраля 1861 года,—они возстановляли *зависимость крестьянъ, въ силу ихъ сословнаго происхожденія, отъ помѣстнаго дворянства, которому, въ лицѣ назначаемыхъ изъ потомственныхъ дворянъ земскихъ начальниковъ, предоставлено попечительство надъ крестьянскимъ населеніемъ.*

Положеніе 1889 г. установляетъ далѣе для крестьянъ слѣдующее ограниченіе правъ, до извѣстной степени аналогичное съ существовавшимъ для крѣпостныхъ крестьянъ воспрещеніемъ приносить жалобы на помѣщиковъ.

Русскіе крестьяне, вообще недовѣрчивые къ властямъ,

---

*) Тамъ же, ст. 39.

**) Тамъ же, ст. 61.

ждутъ правды и справедливости только отъ Царя и Сената и въ этомъ выражается чуткое съ ихъ стороны пониманіе наиболѣе дѣйствительныхъ гарантій законнаго порядка въ нашей странѣ.

Учредительные законы Имперіи ограничиваютъ произволъ исполнительной власти, предоставляя каждому лицу или учрежденію право обжалованія Сенату всякаго распоряженія центральнаго правительства или губернскихъ властей, нарушающаго ихъ права, на законѣ основанныя. Всѣ подвѣдомыя Сенату дѣла управленія могутъ быть доводимы затѣмъ въ извѣстномъ порядкѣ до разрѣшенія ихъ высочайшею властью Государя Императора.

Положеніе 12 іюня 1889 г. лишаетъ крестьянъ этой существенной гарантіи правоваго порядка, объявляя *постановленія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій окончательными и подлежащими немедленному исполненію*.

Наконецъ, Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 г. *лишаетъ крестьянъ принадлежавшаго имъ по положенію 1864 г. равноправнаго съ другими сословіями представительства въ мѣстномъ управленіи*, постановляя, что гласные отъ крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ назначаются правительствомъ.

Отсюда видно, насколько узаконенія эти расширяютъ предѣлы соціальной и политической неполноправности крестьянъ противъ тѣхъ ограниченій, которыя въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. имѣли только временный характеръ для первоначальныхъ фазисовъ реформы, которая своей окончательной цѣлью ставила приведеніе сельскаго населенія къ полной равноправности съ другими сословіями. Наскоро приспособленныя для этой цѣли учрежденія составители узаконеній 1889 г.

обращали притомъ въ *постоянные органы управленія крестьянами*.

Обособленіе крестьянскаго сословія завершается устройствомъ для него особой судебной части въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ съ столь широкой подсудностью, что она объемлетъ почти весь правооборотъ сельскаго населенія. Въ административные органы крестьянскаго управленія, коимъ присвоена судебная власть надъ крестьянами, настоящіе судьи приглашаются въ ограниченномъ числѣ, въ качествѣ представителей посторонняго вѣдомства.

V.

Завершеніе личнаго освобожденія крестьянъ.

Богатство страны создается исключительно трудомъ и предпріимчивостью ея населенія. Для производительности труда, для успѣшнаго проявленія личной иниціативы требуется возможность свободно располагать своей личностью, прилагать свой трудъ и занимать тѣ или иныя общественныя положенія, соотвѣтственно способностямъ и призванію. Нужны условія, благопріятныя для развитія въ людяхъ, принадлежащихъ ко всѣмъ слоямъ населенія, чувства собственнаго достоинства, потому что приниженному и безправному человѣку и деньги въ прокъ не пойдутъ, а получится типъ разбогатѣвшаго илота. Надо, наконецъ, чтобы въ людяхъ развито было сознаніе, что судьба ихъ въ ихъ рукахъ и что для пріумноженія матеріальнаго достатка они должны полагаться только на себя.

Плоды народнаго труда, поставленнаго въ эти благопріятныя условія, требуютъ себѣ огражденія въ твердомъ, ясномъ, нелицепріятномъ, для всѣхъ равномъ и одинаково обязательномъ законѣ, а прочность законнаго порядка обезпечивается правомѣрнымъ дѣйствіемъ суда, правильно устроеннаго, независимаго отъ администраціи, состоящаго изъ свѣдущихъ правовѣдовъ.

Дѣло освобожденія крестьянъ будетъ завершено, оно утратитъ значеніе ожидающаго разрѣшенія тревожнаго вопроса нашей политики только тогда, когда эти элементарныя условія государственнаго общежитія станутъ достояніемъ сельскаго населенія Россіи.

Отдѣльныя мѣропріятія, частичныя улучшенія дѣлу не помогутъ, а въ особенности тщетно искать выхода изъ существующей безурядицы въ попечительной заботливости чиновниковъ о благонравіи и матеріальномъ благосостояніи крестьянъ.

За доказательствомъ недѣйствительности мѣръ, направленныхъ къ улучшенію быта крестьянъ на основѣ опеки при сохраненіи ихъ сословной обособленности,— недалеко ходить.

Въ 1838 г. для завѣдыванія государственными крестьянами было образовано цѣлое министерство съ многочисленными мѣстными учрежденіями. Во главѣ вѣдомства почти двадцать лѣтъ стоялъ самый просвѣщенный и гуманный государственный человѣкъ того времени, искусный администраторъ, вложившій всю свою душу въ порученное ему дѣло. Сословныя крестьянскія учрежденія получили образцовую организацію и созданъ былъ впервые въ Россіи особый крестьянскій судъ.

Государственные крестьяне были обильно надѣлены всякими земельными угодьями, усадебной и пахотной землей, выгонами, лугами и лѣсомъ. Съ приростомъ населенія надѣлъ этотъ обязательно пополнялся до узаконенной пропорціи изъ обширнаго еще въ то время запаса казенныхъ земель. Къ услугамъ крестьянъ были предоставлены ученые агрономы.

Для крестьянскихъ дѣтей учреждены были благоустроенныя начальныя школы.

Вся эта организація, въ условіяхъ своего времени, принесла свою долю пользы, предохранивъ крестьянскія

земли отъ захвата сосѣдними помѣщиками, а самихъ крестьянъ отъ злоупотребленій полиціи, но при всемъ томъ она оказалась зданіемъ, построеннымъ на пескѣ, отъ котораго теперь не осталось и слѣда. Бывшіе государственные крестьяне находятся въ настоящее время въ томъ же состояніи послѣдовательнаго обнищанія, какъ и бывшіе крѣпостные.

Чтобы поднять благосостояніе земледѣльческаго населенія Россіи и тѣмъ самымъ сдѣлать возможнымъ здоровый ростъ экономическихъ силъ всего государства, чтобы достичь въ этомъ направленіи прочныхъ результатовъ, — надо завершить дѣло крестьянскаго освобожденія во всемъ его объемѣ и безъ всякихъ ограниченій.

Только такое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса соотвѣтствуетъ и требованіямъ здравой охранительной политики. Въ этомъ отношеніи едва ли осторожно обращать низшіе классы населенія государства, составляющіе у насъ подавляющее большинство, въ обособленную сословную массу, вмѣщающую въ себѣ всѣ запасы вооруженныхъ силъ страны, вполнѣ организованную, съ навязанными ей собственной полиціей и судомъ, и все это при условіяхъ — соціальныхъ, экономическихъ и аграрныхъ,—создающихъ радикальное противоположеніе интересовъ этой страшной общественной силы съ верхней пленкой привиллегированнаго слоя населенія.

Во всякомъ случаѣ, съ какой стороны ни смотрѣть на предстоящую реформу соціальнаго быта русскихъ крестьянъ, цѣль ея совершенно ясна. Это — приведеніе крестьянъ и «другихъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій» *), на которыхъ также распространены законы

*) Для наименованія этого сословія на русскомъ языкѣ даже нѣтъ подходящаго названія.

1889 г.,—къ гражданской и политической равноправности съ остальнымъ населеніемъ государства.

Къ достиженію этой цѣли и должны клониться всѣ отдѣльныя мѣропріятія.

Выше было указано, что ограниченія личной свободы крестьянъ вызываются ихъ приписною крѣпостью сословному обществу.

Тогда какъ для привиллегированныхъ классовъ осѣдлость считается по мѣсту ихъ дѣйствительнаго постояннаго пребыванія и занятій,—мѣстомъ осѣдлости бывшихъ податныхъ людей почитается то сословное общество, къ которому они приписаны.

Обязательность такой приписки вызываетъ затрудненія для выхода изъ общества, особенно при безконтрольномъ правѣ каждаго общества принимать и отказывать въ пріемѣ новыхъ членовъ по усмотрѣнію. Для выхода изъ общества требуется, между прочимъ, и согласіе родителей.

Въ дѣйствительной жизни эта приписная крѣпость порождаетъ неисчислимыя стѣсненія и практическія неудобства, не только для отдѣльныхъ личностей, но и для самихъ обществъ.

Она подаетъ нерѣдко поводъ къ безпощадной эксплоатаціи иными обществами болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ, связанныхъ съ ними однимъ фактомъ приписки.

Практика Сената указываетъ на многочисленные случаи избранія на общественныя должности крестьянъ по припискѣ, имѣющихъ осѣдлость, занимающихся торговлей или промыслами въ городахъ десятками лѣтъ, съ единственною цѣлью вымогательства откупныхъ денегъ. Приписка вызываетъ также двойственность податнаго обложенія, напримѣръ, для крестьянъ, занимающихся въ городахъ ремеслами или мелочной торговлей.

Для самихъ обществъ она сопровождается обязательствомъ уплачивать за леченіе годами отсутствующихъ своихъ членовъ суммы, превышающія иногда годовой бюджетъ ихъ сословныхъ сборовъ.

Съ отмѣною подушной подати и круговой поруки настало время для отмѣны и податной приписки *съ распространеніемъ на всѣхъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій общаго закона о постоянномъ жительствѣ по признакамъ осѣдлости и водворенія.*

Если мы уже никакъ не можемъ отрѣшиться отъ преданій податной приписки, то должно быть допущено, при безпрепятственномъ выходѣ изъ обществъ, совершенно свободное причисленіе къ волостямъ и городамъ. Само собою разумѣется, что согласіе сельскаго общества должно быть необходимо для причисленія къ нему съ правомъ на участіе въ земельномъ надѣлѣ.

Въ связи съ этимъ каждому совершеннолѣтнему крестьянину должно быть предоставлено *личное право свободнаго выхода изъ общества,* — независимо отъ отношеній его при этомъ къ надѣльной землѣ, которыя должны быть опредѣлены законами гражданскими.

При дѣйствіи прежняго паспортнаго устава воспрещалась выдача паспорта недоимщикамъ,—правило стѣснительное и нецѣлесообразное: плательщика, который нуждался въ заработкѣ, главнымъ образомъ, для уплаты податей, лишали возможности заработать ихъ на сторонѣ. Но внѣ этого, ни уставъ о паспортахъ, ни Положенія 19 февраля 1861 г. никакихъ ограниченій для свободы передвиженія крестьянъ не установляли. Въ виду всяческихъ стѣсненій крестьянъ ихъ сословнымъ и инымъ начальствомъ при выдачѣ имъ паспортовъ, дѣла этого рода неоднократно доходили до разрѣшенія Сената, который, въ согласіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, разъяснялъ, между прочимъ, что ни въ

уставѣ о паспортахъ, ни въ Положеніяхъ о крестьянахъ не имѣется указаній на воспрещеніе выдачи паспортовъ совершеннолѣтнимъ крестьянамъ безъ согласія на то ихъ родителей *).

Это послѣднее ограниченіе свободы передвиженія для крестьянъ установлено впервые Положеніемъ о видахъ на жительство 1894 года. Законъ этотъ постановляетъ: «неотдѣленнымъ членамъ крестьянскихъ семействъ, хотя бы и совершеннолѣтнимъ, виды на жительство выдаются и возобновляются не иначе, какъ съ согласія хозяина крестьянскаго двора». Въ случаѣ отказа со стороны домохозяина дать свое согласіе, окончательно рѣшаетъ вопросъ земскій начальникъ или другое равнозначущее должностное лицо; обжалованію это рѣшеніе уже не подлежитъ. Если крестьянину и удается уйти, то паспортная книжка у него можетъ быть во всякое время отобрана полиціей въ случаѣ неуплаты податей, а также вытребована по требованію хозяина двора или вслѣдствіе избранія его на одну изъ общественныхъ должностей (Полож. о видахъ на жит. ст. 19, 54 и 55).

Положеніе о видахъ на жительство сохраняетъ воспрещеніе выдавать паспорты тѣмъ изъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій, за которыми числятся недоимки, не распространяя этого запрещенія на недоимщиковъ изъ привилегированныхъ классовъ. Различіе это установлено, очевидно, въ виду круговой поруки, такъ какъ съ согласія сословнаго общества разрѣшено выдавать паспорты и недоимщикамъ. Въ связи съ этимъ

---

*) См. между многими другими рѣшеніями: опредѣленіе 24 Ноября 1883 г. № 3829 и 12 Февраля 1889 г. № 670; отзывъ министра вн. дѣлъ отъ 6 Іюня 1892 г., который въ засѣданіи Сената въ указанномъ смыслѣ поддерживалъ В. К. Плеве.

мѣщанамъ, ремесленникамъ и крестьянамъ виды на жительство выдаются на различные сроки и при извѣстныхъ условіяхъ отбираются.

Личная свобода несовмѣстима съ такими ограниченіями свободы передвиженія и *на крестьянъ, а также на мѣщанъ и ремесленниковъ слѣдуетъ распространить тѣ самыя паспортныя правила, которыя Положеніемъ о видахъ на жительство установлены для лицъ привилегированныхъ сословій.*

Самое рѣзкое проявленіе кабальной зависимости крестьянина отъ своего сословнаго общества составляетъ унаслѣдованное отъ помѣщиковъ право сельскихъ обществъ предоставлять своихъ односельчанъ, признанныхъ извѣстнымъ большинствомъ голосовъ «вредными и порочными», въ распоряженіе правительства для поселенія ихъ въ Сибири. Право это оставлено за обществами въ 1862 г. въ видѣ временной мѣры до преобразованія судебной части. Закономъ 10 іюня 1900 г. обществу, въ еще болѣе широкихъ предѣлахъ, предоставлено право удалять изъ своей среды тѣхъ сочленовъ, «дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности».

Въ пользу сохраненія за сельскими обществами этого права обыкновенно приводится, что оно служитъ коррективомъ недостаточности обыкновенныхъ способовъ преслѣдованія такихъ преступленій, которыя — какъ конокрадство и поджогъ — наносятъ непоправимый ущербъ хозяйственной состоятельности сельскихъ обществъ.

Конокрадство составляетъ, дѣйствительно, одну изъ злѣйшихъ язвъ сельскохозяйственнаго быта Россіи. Ущербъ, приносимый имъ сельскохозяйственной культурѣ, не можетъ быть оцѣниваемъ, какъ при похищеніи другихъ предметовъ, стоимостью краденыхъ лоша-

дей. Ущербъ этотъ для народнаго хозяйства поистинѣ неисчислимъ по тому значенію, которое имѣетъ конокрадство, какъ тормазъ для правильнаго развитія у насъ коневодства и, въ особенности, какъ причина ослабленія рабочей силы отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Но дѣло въ томъ, что право сельскихъ обществъ ссылать своихъ членовъ въ Сибирь неспособно служить дѣйствительной предупредительной мѣрой противъ конокрадства, такъ какъ на практикѣ оказывается, что сельскія общества—по условіямъ, въ которыхъ развилось у насъ конокрадство, какъ правильно организованный промыселъ,—не только не преслѣдуютъ конокрадовъ изъ среды своего общества, но служатъ самыми усердными ихъ укрывателями, какъ изъ опасенія мести за разоблаченіе, такъ и потому, что укрывательство это вознаграждается относительной степенью безопасности отъ кражи лошадей, которую конокрады обезпечиваютъ своимъ односельчанамъ.

И такъ, право сельскихъ обществъ предоставлять своихъ порочныхъ членовъ въ распоряженіе правительства для ссылки ихъ въ Сибирь составляетъ въ полной мѣрѣ негодное средство для предупрежденія конокрадства. Послѣдствія примѣненія этого права служатъ самымъ неопровержимымъ тому доказательствомъ:—вопреки ему, конокрадство торжествуетъ и конокрады не только не скрываютъ своего преступнаго ремесла, но заняли въ своихъ обществахъ вліятельное положеніе. Это право никогда и не можетъ служить сколько нибудь успѣшной мѣрой предупрежденія конокрадства, такъ какъ власть сельскихъ обществъ распространяется только на своихъ сочленовъ, тогда какъ конокрады составляютъ широко развѣтвленныя организаціи, въ которыя входятъ и посторонія лица,—въ томъ числѣ чины полиціи и притомъ не одни сотскіе и десятскіе,

но и чиновники государственной полиціи, какъ это было обнаружено въ двухъ грандіозныхъ дѣлахъ о шайкахъ конокрадовъ, возбужденныхъ прокурорскимъ надзоромъ на югѣ Россіи въ семидесятыхъ годахъ.

Успѣшное предупрежденіе конокрадства, какъ и всякаго преступленія, зависитъ прежде всего отъ правильно организованной полицейской охраны общественной безопасности.

Еще менѣе, чѣмъ для конокрадства, право сельскихъ обществъ ссылать своихъ сочленовъ можетъ служить предупредительною мѣрою отъ поджоговъ. Оно, напротивъ того, даетъ лишніе поводы для поджигательства вслѣдствіе мести подвергающагося ссылкѣ крестьянина или его близкихъ.

По всѣмъ этимъ основаніямъ—*подлежитъ отмѣнѣ право сельскихъ обществъ удалять и предоставлять своихъ сочленовъ въ распоряженіе правительства.*

Личная зависимость отдѣльнаго крестьянина отъ сельскаго общества выражается еще *въ правѣ схода лишать каждаго домохозяина участія въ общественныхъ дѣлахъ на три года и въ правѣ сельскаго старосты подвергать крестьянъ аресту до двухъ сутокъ и назначать ихъ на общественныя работы, срокомъ до двухъ дней.*

Съ отмѣною и этихъ полномочій схода и старосты завершится циклъ мѣропріятій, направленныхъ къ освобожденію крестьянина отъ *личнаго* подчиненія обществу по мѣсту приписки.

VI.

Устройство правопорядка въ сферѣ семейныхъ и поземельныхъ отношеній крестьянъ.

Съ окончательнымъ освобожденіемъ личности крестьянина отъ общественной кабалы — изъ хаоса крестьянскаго безправія, изъ всей путаницы сословно-приписныхъ общественныхъ отношеній выступитъ во всей своей ясности и опредѣленности вопросъ *о гражданской полноправности крестьянъ, о подчиненіи ихъ дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ.*

Покуда въ этомъ отношеніи, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ практикѣ учрежденій крестьянскихъ, существуетъ полная неопредѣленность, при замѣтной склонности — предоставлять крестьянамъ опредѣлять свой правопорядокъ, какъ сами знаютъ,—по обычаю.

Дѣло въ томъ, однако, что существованіе у русскихъ крестьянъ обычнаго права—въ смыслѣ твердыхъ, исторически сложившихся, соотвѣтствующихъ юридическому сознанію сельскихъ обывателей, обычно-правовыхъ нормъ,—болѣе чѣмъ сомнительно.

Обычай имѣетъ твердое основаніе, когда весь народъ стоитъ на одинаковой степени правовыхъ воззрѣній, и въ странѣ еще нѣтъ писанаго права. Обычай тогда

лежитъ въ самомъ сознаніи народа, всѣмъ извѣстенъ и для всѣхъ одинаково обязателенъ.

Онъ можетъ сохраняться и пріобрѣсти даже особую живучесть у народностей завоеванныхъ, порабощенныхъ, удерживаемыхъ въ состояніи приниженной обособленности, не допускаемыхъ до ассимиляціи съ господами страны: напр., у южныхъ славянъ подъ владычествомъ турокъ, у туземцевъ Индіи и меланезовъ Явы подъ господствомъ англичанъ и голандцевъ. Обычное право сохраняетъ значеніе и у нѣкоторыхъ изъ нашихъ азіатскихъ инородцевъ, сохраняющихъ свою обособленность вмѣстѣ съ первобытными формами быта, вслѣдствіе географическихъ и иныхъ условій;—сборники ихъ юридическихъ обычаевъ отличаются большой точностью и опредѣленностью.

Но когда „законъ не писанъ“ для громаднаго большинства населенія страны и притомъ господствующаго въ ней племени, то это есть явленіе ненормальное, болѣзненное, въ самомъ корнѣ подтачивающее государственный строй и истощающее экономическія силы страны.

Въ этомъ отношеніи современная Россія ушла назадъ даже отъ государственнаго правопорядка временъ допетровскихъ.

Русскій народъ уже съ XI вѣка живетъ подъ дѣйствіемъ писанаго права, выразителями котораго стали Русская Правда, Судебники и Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Законодательные акты эти устанавливали правовыя нормы, для всего народа одинаково обязательныя. Они не только касались всякой земельной собственности, но даже преимущественно опредѣляли порядки и послѣдствія землепользованія и опять-таки для всѣхъ классовъ населенія одинаково, такъ какъ у насъ, до установленія крѣпостныхъ отношеній внѣ вся-

каго закона, поземельная собственность никогда не была исключительнымъ правомъ какого-либо сословія, и вотчинными землями владѣли на одинаковомъ правовомъ основаніи князья, бояре, духовенство и крестьяне. Это составляетъ отличительную черту русской исторіи отъ исторіи другихъ европейскихъ государствъ, основанныхъ на завоеваніи.

Возможно, впрочемъ, что въ предѣлахъ писанаго закона подробности юридическаго правопорядка въ древнихъ русскихъ безсословныхъ сельскихъ общинахъ опредѣлялись и стародавними обычаями въ ихъ послѣдовательномъ приспособленіи къ измѣнившимся хозяйственнымъ и инымъ условіямъ. Но съ развитіемъ крѣпостныхъ отношеній—источникомъ обычая стало уже не народное правосознаніе, а воля помѣщика и его хозяйственные распорядки. Что касается до вольныхъ людей, крестьянъ черносошныхъ, потомъ государственныхъ,—то на нихъ всегда распространялось дѣйствіе общихъ законовъ. Даже послѣ взятія ихъ въ опекунское управленіе вѣдомства государственныхъ имуществъ, писаный законъ преобладалъ у нихъ надъ обычнымъ правомъ уже потому, что по всѣмъ дѣламъ свыше пятнадцати рублей они подлежали дѣйствію общаго права и одинаковой съ другими свободными людьми юрисдикціи.

Во время крѣпостного права подневольное крестьянство не имѣло иной организаціи, кромѣ сельскаго общества, причемъ сельскому сходу принадлежали и судебныя функціи въ ограниченной сферѣ спорныхъ вопросовъ землепользованія и домашнихъ недоразумѣній объ имуществѣ, и то въ границахъ предметовъ и въ случаяхъ, оставленныхъ на разрѣшеніе схода по усмотрѣнію помѣщика или его бурмистра. Такимъ образомъ только въ сельскомъ обществѣ и въ этой ограниченной компетенціи могли сохраниться или вновь возникнуть обычаи въ

крестьянской средѣ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что никакихъ народныхъ правовыхъ обычаевъ, общихъ не только сколько-нибудь обширному раіону, но даже группѣ сосѣднихъ селеній, у русскихъ крестьянъ не существуетъ. При внимательномъ и безпристрастномъ изученіи весьма обширной у насъ литературы по обычному праву и русской крестьянской общинѣ прежде всего поражаетъ замѣчательное разнообразіе взглядовъ крестьянъ, живущихъ въ совершенно одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, часто бокъ-о-бокъ, на всю рѣшительно совокупность ихъ своеобразныхъ юридическихъ отношеній, въ томъ числѣ и на значеніе общиннаго землепользованія, на самое основаніе распредѣленія земельнаго фонда между отдѣльными домохозяевами,—а также на порядки наслѣдованія.

Въ совершенно однородныхъ мѣстностяхъ, при общинномъ пользованіи, землю дѣлятъ: по душамъ—ревизскимъ, наличнымъ, рабочимъ, потребительнымъ; — по скоту; — по состоятельности; — по ѣдокамъ; — по нуждѣ;—по семейственности; - поровну на дворъ и т. д. То-же разнообразіе замѣчается относительно сроковъ и поводовъ къ передѣламъ.

По наслѣдственному праву нельзя найти двухъ сельскихъ обществъ, въ которыхъ существовали бы одинаковые обычаи о правѣ наслѣдованія вдовъ, боковыхъ родственниковъ, членовъ семьи, получившихъ выдѣлъ, зятьевъ, принятыхъ изъ другого общества, и т. п. Относительно права совершать завѣщанія и ихъ формы—письменной или словесной—существуетъ не только разнообразіе, но полнѣйшая неопредѣленность.

Когда, при всевозможныхъ изслѣдованіяхъ русскихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, обращались къ самимъ крестьянамъ, они весьма опредѣлительно отвергали ихъ существованіе. Такъ, при обслѣдованіи волостныхъ

судовъ комиссіей сенатора Любощинскаго крестьяне заявляли: «Обычаи теперь не существуютъ — ихъ перезабыли»; «обычаевъ никакихъ нѣтъ»; «сходы и волостной сходъ теперь не руководствуются обычаями, которыхъ теперь не существуетъ»; «у всякой бабы свой обычай, гдѣ ихъ знать» и т. д.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать совершенно безспорнымъ, что у русскихъ крестьянъ не существуетъ никакихъ юридическихъ обычаевъ, основанныхъ на преданіи, соотвѣтствующихъ особенностямъ ихъ правового міросозерцанія и свойственныхъ какому-либо раіону мѣстности, за предѣлами извѣстныхъ сельскихъ обществъ,—слѣдовательно, нѣтъ обычаевъ, общихъ и для той группы селеній, которыя составляютъ крестьянскую волость.

При этихъ условіяхъ, съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, — вмѣстѣ съ признаніемъ за ними обще-гражданскихъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, — былъ созданъ для нихъ особый волостной судъ, которому предоставлено рѣшать дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту.

Составители Положеній 19 февраля 1861 г. вполнѣ сознавали потребность подчиненія освобожденныхъ крестьянъ дѣйствію всѣмъ извѣстнаго и общаго для всѣхъ — при извѣстныхъ правоотношеніяхъ — закона, но они не могли не остановиться передъ совершенно чуждыми нашему общему гражданскому праву и вполнѣ неизслѣдованными порядками, существующими у крестьянъ въ области ихъ семейныхъ и поземельныхъ отношеній въ составѣ сельскихъ обществъ. Имъ ничего не оставалось, какъ предоставить крестьянамъ, — въ лицѣ выборныхъ судей, — самимъ разрѣшать всѣ возникающіе въ этихъ дѣлахъ споры и сомнѣнія, опредѣливъ для этой особли-

вой юрисдикціи возможно тѣсные предѣлы и оградивъ ее отъ всякаго вліянія и вмѣшательства чиновнаго элемента.

Компетенція волостного суда была ограничена спорами и тяжбами между крестьянами, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществѣ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ и всякаго рода обязательствамъ, цѣною до 100 р. Иски о всякомъ недвижимомъ имуществѣ внѣ надѣла, какъ бы ни была незначительна его стоимость, подлежали общему судебному порядку. Такимъ образомъ крестьяне подчинялись дѣйствію общаго права во всѣхъ рѣшительно имущественныхъ отношеніяхъ, кромѣ обязательствъ между собою о движимости до 100 р. и правъ по землепользованію въ предѣлахъ надѣла на ту же сумму.

Рѣшенія суда считались окончательными. Обжалованію они подлежали только въ случаяхъ превышенія волостнымъ судомъ предоставленной ему подсудности и рѣшенія дѣла безъ вызова сторонъ. Съѣздъ посредниковъ могъ въ этихъ случаяхъ только отмѣнить рѣшеніе и передать дѣло для пересмотра въ волостной же судъ, но не имѣлъ права постановлять своего опредѣленія по существу, что признавалось невозможнымъ уже потому, что обычаи предполагались существующими въ крестьянской средѣ, но чинамъ крестьянскихъ учрежденій во всякомъ случаѣ неизвѣстными.

По мысли составителей Положенія 19 февраля 1861 г., суды эти представляли только удачный выходъ изъ затрудненія, окончательное разрѣшеніе котораго предоставлялось разрабатывавшейся въ то время судебной реформѣ. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. обошли, однако, эту задачу и сохранили волостные суды, надо думать, по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ они были учреждены, въ качествѣ установленія временнаго, пока

основательное изученіе особенностей семейныхъ отношеній и порядковъ землепользованія крестьянъ, въ составѣ сельскихъ обществъ и въ границахъ надѣльныхъ земель, не дало бы возможности ввести соотвѣтственныя законодательныя опредѣленія въ общую систему нашего дѣйствующаго гражданскаго права и приспособить общую судебную организацію для правильнаго и справедливаго разрѣшенія этихъ дѣлъ. Починъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ. Въ 1873—1874 г.г. комиссія сенатора Любощинскаго собрала, систематизировала и издала обширный матеріалъ по изслѣдованію особенностей правопорядка въ крестьянской средѣ. Вообще вплоть до середины восьмидесятыхъ годовъ, какъ законодательство, тамъ и судебная и административная практика стоятъ у насъ на твердой почвѣ освободительныхъ началъ реформы 1861 года. Затѣмъ послѣдовалъ крутой поворотъ въ попятномъ въ сторону началъ прежняго дореформеннаго строя направленіи и законоположенія 1889 г. внесли окончательную путаницу въ правовое міровоззрѣніе крестьянъ, причемъ хаотическое состояніе народной юстиціи — вслѣдствіе значительно расширенной компетенціи волостныхъ судовъ—распространилось на весь почти правооборотъ сельскаго населенія Имперіи

Въ этой обширной компетенціи временныя правила о волостномъ судѣ 1889 г. сохранили разрѣшеніе тяжбъ и споровъ между крестьянами по мѣстнымъ обычаямъ, но при этомъ поставили рѣшенія волостныхъ судовъ подъ контроль земскихъ начальниковъ и ихъ съѣздовъ. Послѣдніе могутъ въ отмѣну рѣшенія волостного суда постановлять свои собственныя опредѣленія по существу дѣлъ, при чемъ народныхъ обычаевъ они не знаютъ, а права примѣнять общіе гражданскіе законы лишены. Права этого и не могло быть имъ предоставлено, такъ какъ законъ писаный не можетъ служить мѣриломъ для

сужденія о правильности рѣшенія, основаннаго на мѣстномъ обычаѣ.

При этихъ условіяхъ X т. свода законовъ гражданскихъ проникаетъ-таки мало-по-малу въ практику сословнаго крестьянскаго суда, но не въ свойственномъ закону значеніи запрещеннаго плода.

Руководящая роль кассаціонной инстанціи принадлежитъ въ этихъ своеобразныхъ судахъ губернскимъ присутствіямъ, учрежденіямъ административнаго порядка,— что имѣетъ своимъ послѣдствіемъ различное въ каждой губерніи пониманіе законовъ, народныхъ обычаевъ и судопроизводственныхъ правилъ.

Сами собой понятны послѣдствія судебныхъ порядковъ, которыя изъ обихода народной жизни устраняютъ такія гарантіи прочности гражданскаго и экономическаго строя, какъ законность и право.

Поэтому никакое существенное улучшеніе быта земледѣльческаго населенія Имперіи невозможно безъ внесенія твердости и опредѣленности въ права крестьянъ семейственныя и по имуществу.

Для этого требуется соотвѣтственная разработка гражданскихъ законовъ, примѣнительно къ сохранившимся въ крестьянскомъ быту особенностямъ гражданскаго правопорядка.

Отношенія правительства къ крестьянству изстари отличались у насъ тѣмъ, что вездѣ и всегда на первомъ планѣ ставились интересы казны. Будучи не въ силахъ сама вѣдаться съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ, казна въ свое время закрѣпила крестьянъ за помѣщиками. Тѣмъ же характеромъ отличалось отношеніе правительства къ крестьянамъ, сохранившимъ свободу, и къ бывшимъ крѣпостнымъ послѣ ихъ освобожденія. Вслѣдствіе такого къ нимъ отношенія крестьяне связаны были круговою порукою во всѣхъ своихъ податныхъ къ казнѣ

обязательствахъ. Это пріучило правительство, вѣдаясь съ обществомъ, откровенно игнорировать отдѣльную крестьянскую личность, которая охотно отдавалась въ своего рода крѣпостную зависимость отъ общинъ и сословнаго крестьянскаго начальства.

Такое отношеніе къ земледѣльческому населенію Россіи, послѣ его освобожденія, составляетъ вопіющую аномалію, которая не можетъ не отражаться на всей экономіи страны самыми пагубными послѣдствіями. Русскій крестьянинъ, какъ свободная человѣческая личность, настоятельно требуетъ опредѣленія своихъ гражданскихъ правъ закономъ и огражденія ихъ правомѣрнымъ дѣйствіемъ суда.

При опредѣленіи гражданскихъ правъ крестьянъ слѣдуетъ исходить изъ того основнаго и совершенно безспорнаго положенія, что на русскаго крестьянина, свободнаго и полноправнаго, распространяются рѣшительно всѣ и въ полномъ ихъ объемѣ постановленія общихъ гражданскихъ законовъ о правахъ семейственныхъ и по имуществу,— о союзѣ брачномъ, о правахъ родителей и обязанностяхъ къ нимъ дѣтей, о правѣ собственности, владѣнія и распоряженія движимыми и недвижимыми имуществами, о вступленіи во всякаго рода договоры и обязательства, о завѣщаніяхъ и т. д.

Это совершенно безспорно вытекаетъ изъ самаго факта освобожденія крестьянъ съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, хотя и было затемнено практикою крестьянскихъ учрежденій вслѣдствіе указаннаго выше отношенія власти къ крестьянамъ. Предстоитъ только внести ту же точность опредѣленій положительнаго закона и въ правоотношенія крестьянской семьи и сельскаго общества въ границахъ надѣльныхъ земель.

Здѣсь сохранились до сего времени: сложная кресть-

янская семья родового типа и общинное пользованіе земельными угодьями.

Сложная крестьянская семья есть пережитокъ существовавшей въ свое время у всѣхъ народовъ патріархальной семьи, замѣнившей семью матріархальную, которой, въ свою очередь, предшествовало свободное общеніе половъ.

Общинное пользованіе землей есть промежуточная стадія между землевладѣніемъ захватнымъ и личной поземельной собственностью, черезъ которую также прошли и другіе народы, подчиняясь непреклонному закону пропорціональности густоты населенія къ пространству земельной территоріи.

Для Россіи своеобразно въ данномъ случаѣ только то, что эти первобытныя формы семейнаго быта и земельнаго пользованія, свойственныя натуральному хозяйству, сохранились въ крестьянской средѣ до сего времени и что никакой законъ не регулируетъ возникающихъ отсюда гражданскихъ правоотношеній.

Но и въ этихъ границахъ предстоитъ разрѣшить аграрный вопросъ громадной важности, о значеніи котораго можно судить по тому, что во владѣніи крестьянъ въ Россіи, на этихъ основаніяхъ, находится площадь удобной земли, превышающая пространство Германіи и Франціи, вмѣстѣ взятыхъ.

При послѣдовательномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ его современной постановкѣ,—довершивъ дѣло освобожденія крестьянъ, высвободивъ личность крестьянина изъ кабалы сословнаго общества и подчинивъ его дѣйствію общаго гражданскаго права,—надо, слѣдовательно, *внести твердость и опредѣленность въ своеобразную сферу семейныхъ и поземельныхъ отношеній нашего земледѣльческаго населенія, разработавъ и включивъ въ общую систему нашихъ законовъ гражданскихъ*

соотвѣтственныя постановленія о сложной крестьянской семьѣ и о правилахъ владѣнія, пользованія и распоряженія надѣльными землями, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи.

Съ существующимъ фактомъ этихъ особенностей законодатель долженъ считаться; онъ не можетъ ставить себѣ цѣлью совершить въ стомилліонной массѣ земледѣльческаго крестьянскаго населенія грандіозный аграрный переворотъ упраздненіемъ со дня на день особенностей сложной крестьянской семьи и обращеніемъ, велѣніемъ власти, общиннаго и подворнаго пользованія въ личную и индивидуальную собственность.

Переходъ этотъ долженъ совершаться по волѣ самихъ крестьянскихъ обществъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, но законодатель не можетъ игнорировать и того, что эти особенности семейнаго быта и поземельныхъ отношеній нашихъ крестьянъ составляли повсемѣстно переходную форму къ семьѣ гражданской и къ индивидуальной поземельной собственности, поэтому онъ не только не долженъ препятствовать, но всемѣрно содѣйствовать этой естественной эволюціи и тому, чтобы она совершилась безъ потрясеній, при условіяхъ, наиболѣе полезныхъ для крестьянскаго населенія и для общей экономіи страны.

Положеніе вопроса *о семейныхъ крестьянскихъ раздѣлахъ* служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что сложная крестьянская семья родового типа стоитъ на пути къ разложенію.

Уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ правительство было обезпокоено поступавшими отовсюду свѣдѣніями о послѣдовательномъ обѣднѣніи крестьянскаго населенія. Въ согласіи съ отзывами нѣкоторыхъ губернаторовъ министерство внутреннихъ дѣлъ приписало это обѣднѣніе усиленному росту семейныхъ крестьян-

скихъ раздѣловъ послѣ 1861 года и выработало проектъ закона объ ограниченіи раздѣловъ и подчиненіи ихъ надзору мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій.

Несмотря на убѣдительныя возраженія министра финансовъ (Н. Х. Бунге), министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ Толстой) провелъ свой проектъ черезъ Государственный Совѣтъ, мнѣніе котораго по этому предмету было Высочайше утверждено 18 марта 1886 г.

Всѣ препятствія, созданныя этимъ закономъ для крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, не уменьшили ихъ числа, а участили раздѣлы самовольные. Законъ, не согласованный съ требованіями жизни, остался мертвой буквой.

Борьба съ неудержимой силой естественнаго закона общественнаго развитія, особенно въ такой интимной сферѣ, какъ семейная жизнь,—оказалась не подъ силу и земскимъ начальникамъ. Борьба эта велась ими мѣстами и на первыхъ порахъ съ энергіей и настойчивостью, доходившими до жестокости. Земскіе начальники отказывали самовольно отдѣлившимся крестьянамъ въ выдачѣ паспортовъ. По ихъ приказанію волостные старшины насильственно водворяли раздѣлившихся крестьянъ въ общую хату, отбирали подѣленное имущество и складывали его въ одну кучу. Процедуру эту безуспѣшно продѣлывали по нѣсколько разъ. Самовольно раздѣлившихся крестьянъ судили уголовнымъ судомъ по 29 ст. Уст. о нак., но и это не помогало,—по отбытіи наказанія осужденные продолжали жить раздѣльно.

Семейные раздѣлы вызываются непреодолимымъ влеченіемъ получившей свободу крестьянской личности къ самостоятельному, независимому существованію, хотя нерѣдко и случайные поводы, какъ семейный разладъ, служатъ вполнѣ уважительными къ тому основаніями.

Понятно, что законъ 1886 года, который сталъ попе-

рекъ этого естественнаго стремленія крестьянскихъ массъ, ими обходится, несмотря даже на то, что самовольность семейнаго раздѣла вызываетъ для крестьянъ весьма печальныя послѣдствія. Для самовольно раздѣлившихся усиливается тягость воинской повинности; затруднено полученіе паспортовъ на отлучки; они подвергаютъ себя мытарствамъ по крестьянскимъ учрежденіямъ и другимъ невзгодамъ людей, живущихъ не на легальномъ положеніи.

Тщета и вредъ всякихъ запретительныхъ въ отношеніи семейныхъ раздѣловъ мѣръ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ прочными могутъ быть только свободныя и добровольныя сочетанія людей. Только исходя изъ понятія о сложной крестьянской семьѣ, какъ о свободномъ союзѣ, основанномъ на трудовомъ началѣ, окажется возможнымъ, не входя въ противорѣчіе съ естественнымъ тяготѣніемъ крестьянъ къ личной независимости—дать законодательную санкцію существующимъ въ дѣйствительной жизни особенностямъ семейныхъ отношеній въ крестьянской средѣ. Это станетъ тѣмъ болѣе возможнымъ, что подобная семья не у насъ однихъ существуетъ.

У сербовъ сохранился также типъ сложной земледѣльческой семьи, задруга, составляющая у нихъ самостоятельный институтъ гражданскаго права, причемъ всѣ вызываемыя имъ особенности семейныхъ и имущественныхъ правовыхъ отношеній регулируются соотвѣтственными постановленіями кодексовъ гражданскихъ законовъ—сербскаго, черногорскаго и хорватскаго.

Гражданское право Германіи, Австріи и Соединенныхъ Штатовъ Америки тоже установляетъ особенности семейныхъ отношеній для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Здѣсь полезно будетъ отмѣтить эти особенности. Въ

Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки образовалась лига, успѣвшая въ 1849 г. провести въ одномъ изъ штатовъ законъ, извѣстный подъ именемъ Homestead Exemption. Въ силу этого закона владѣлецъ *можетъ* въ извѣстномъ порядкѣ объявить свою землю, въ размѣрѣ до 200 акровъ, съ домомъ и принадлежащею ему инвентарною движимостью, имуществомъ нераздѣльнымъ и свободнымъ отъ взысканій по обязательствамъ до одной тысячи долларовъ.

Отъ владѣльца *зависитъ уничтожить*, новымъ актомъ, *неотчуждаемость имѣнія*, но, чтобы оградить семью отъ произвола главы семейства, для этого требуется согласіе его жены. Законъ этотъ съ того времени послѣдовательно принимался и въ другихъ штатахъ и въ настоящее время, съ нѣкоторыми измѣненіями по мѣстнымъ условіямъ, дѣйствуетъ почти на всей территоріи союза.

Въ Германіи до послѣдняго времени сохранялись отъ прежнихъ поземельныхъ порядковъ нѣкоторыя ограниченія относительно свободы отчужденія и раздробленія крестьянскихъ земель. Всѣ эти ограниченія были окончательно устранены съ изданіемъ, въ 1872 г., общаго для всей имперіи закона о поземельныхъ книгахъ. Законъ этотъ вызвалъ протестъ со стороны ганноверскихъ крестьянъ и союзный парламентъ, уступая энергичному требованію ганноверскаго ландтага, издалъ для Ганновера особый законъ о нераздѣльномъ крестьянскомъ участкѣ (Bauerhof). Такой участокъ можетъ сохраняться въ одной семьѣ, переходя къ избранному по завѣщанію или законному наслѣднику; прочіе наслѣдники получаютъ выкупныя деньги; нормальный размѣръ участка опредѣленъ въ законѣ; образованіе его *зависитъ отъ воли* главы семейства и *по волѣ владѣльца* у него могутъ быть отняты свойства Bauerhof'а. Вслѣдъ за Ганноверомъ Вестфалія и нѣкоторыя другія провинціи ввели у себя по-

добные же законы, преслѣдующіе общую имъ цѣль охраненія небольшихъ хозяйственныхъ участковъ, обезпечивающихъ существованіе семьи.

Въ Австріи также изданъ въ 1889 г. законъ о семейныхъ участкахъ: *крестьянамъ предоставляется* образовывать хозяйственные участки съ усадьбою и подчинять ихъ дѣйствію особаго порядка наслѣдованія. Размѣръ такихъ участковъ (Höfe) опредѣляется мѣстнымъ ландтагомъ, смотря по условіямъ хозяйства и почвы въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Ландтагъ опредѣляетъ и порядокъ перехода этихъ участковъ, нераздѣльными, къ одному наслѣднику по закону или по завѣщанію. Законъ опредѣляетъ правила для расчета преемника съ прочими наслѣдниками по умѣренной оцѣнкѣ.

Изъ этого очерка [1]) постановленій иностранныхъ законодательствъ о недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ семейныхъ участкахъ мы видимъ, что главная цѣль, которую они преслѣдуютъ, заключается въ томъ, чтобы остановить дробленіе поземельной собственности на томъ предѣлѣ, за которымъ ограниченность земельнаго участка уже не можетъ служить обезпеченіемъ хозяйственной самостоятельности семьи крестьянъ-земледѣльцевъ. Тамъ, гдѣ, какъ въ Америкѣ и нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, законъ о семейныхъ участкахъ не прямо говоритъ о крестьянахъ, онъ преслѣдуетъ ту же цѣль, имѣя въ виду охрану мелкой поземельной собственности земледѣльца.

Другая общая всѣмъ этимъ законамъ черта, это отсутствіе обязательности обращенія земельной собственности извѣстнаго рода и размѣра въ неотчуждаемые семейные участки. Это всецѣло предоставляется на волю самихъ владѣльцевъ. При этомъ условіи восполь-

---

[1]) Подробнѣе у К. П. Побѣдоносцева. Курсъ гражданскаго права Ч. II. 1889 г., стр. 346—359.

зуются этимъ правомъ только настоящіе осѣдлые хозяева, соображаясь съ составомъ своей семьи, личными свойствами ея членовъ и основательно взвѣсивъ выгоды и неудобства, вызываемыя въ каждомъ данномъ случаѣ присвоеніемъ свободной земельной собственности свойствъ нераздѣльности и неотчуждаемости.

Попробую намѣтить важнѣйшіе вопросы, которые особенности семейныхъ отношеній въ русской крестьянской средѣ ставятъ на разрѣшеніе законодательной власти.

1. Слѣдуетъ опредѣлить природу сложной крестьянской семьи и отличія ея отъ семьи гражданской. Случаи и порядокъ обращенія ея въ гражданскую семью.

2. Каждому совершеннолѣтнему члену крестьянской семьи должно быть предоставлено личное право свободнаго изъ нея выхода.

3. Домохозяиномъ становится старшій членъ семьи. Исключенія изъ этого правила. Смѣна и временная замѣна домохозяина. Его права и обязанности.

4. Имущество, составляющее полную собственность семьи, какъ юридическаго лица: усадьба, скотъ и другія орудія производства.

5. Имущество, составляющее полную собственность отдѣльныхъ членовъ семьи: всякая недвижимая собственность внѣ надѣльныхъ земель; жилье и другія постройки, возведенныя на собственныя средства; одежда и другіе предметы для личнаго употребленія.

6. Наслѣдство въ личной собственности опредѣляется по общимъ законамъ гражданскимъ.

7. Имущество, принадлежащее семьѣ, какъ юридическому лицу, не можетъ быть предметомъ наслѣдованія, пока сложная крестьянская семья существуетъ.

8. Семья отвѣчаетъ только по тѣмъ обязательствамъ

ея отдѣльныхъ членовъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ потребности общаго хозяйства.

9. Слѣдуетъ установить предѣлъ дробимости семейнаго участка надѣльныхъ земель.

10. Право требовать раздѣла и выдѣла принадлежитъ только боковымъ родственникамъ между собою. Право это не должно быть предоставлено дѣтямъ и внукамъ относительно отца или дѣда, какъ противорѣчащее основнымъ положеніямъ законовъ гражданскихъ о союзѣ родственномъ.

11. Крестьянской семьѣ, въ основѣ которой лежитъ трудовое начало, принадлежитъ право на заработокъ отдѣльныхъ ея членовъ. Право это, при условіи свободнаго выхода изъ семьи, не можетъ обратиться въ семейное рабство.

12. Крестьянинъ, живущій отдѣльно отъ семьи, сохраняетъ право на пользованіе семейнымъ надѣломъ, если онъ и его домашніе принимаютъ участіе въ его обработкѣ.

13. Крестьянская семья, состоящая только изъ родственниковъ по прямой нисходящей линіи, можетъ быть признана семьей общаго гражданскаго правопорядка по желанію домохозяина съ согласія его совершеннолѣтнихъ сыновей.

14. Сюда же должны быть отнесены правила объ опекѣ, объ усыновленіи и о правахъ незаконнорожденныхъ дѣтей въ крестьянской семьѣ.

Какъ относительно сложной крестьянской семьи, такъ и при начертаніи законовъ *объ особенностяхъ крестьянскаго землевладѣнія, общиннаго и подворнаго*, слѣдуетъ исходить изъ того положенія, что разъ особенности эти существуютъ, ихъ надо изучить, опредѣлить ихъ юридическую природу и санкціонировать ихъ примѣненіе,

внеся соотвѣтствующія постановленія въ общую систему нашихъ гражданскихъ законовъ.

При этомъ слѣдуетъ, однако, всегда помнить, что общинное землевладѣніе не можетъ стать постоянной, законченной формой землепользованія, а составляетъ только переходную ступень къ индивидуальной поземельной собственности.

Проблема, которая ставится человѣчеству непрерывнымъ наростаніемъ населенія при неизмѣнномъ размѣрѣ пространства земной поверхности, находитъ себѣ счастливое разрѣшеніе въ прогрессѣ сельскохозяйственной культуры, который почти безграниченъ и, во всякомъ случаѣ, обезпечиваетъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей обитателей земли на длинный рядъ вѣковъ: зерно, которое всходитъ на нивѣ русскаго крестьянина-общественника много самъ 4—5, при старательной культурѣ земли и благопріятномъ соотношеніи свѣта, тепла и влаги, можетъ быть воспроизведено въ 400—500 и болѣе разъ, какъ это доказали лабораторные опыты и практика сельскохозяйственной культуры въ Китаѣ.

Общинный порядокъ пользованія землей полагаетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства предѣлъ, ограничивая ихъ тѣсными рамками трехполья. Таковы, по крайней мѣрѣ, указанія историческаго опыта и современной практики земледѣлія.

Возражая на это, сторонники общиннаго землепользованія указываютъ на достигнутыя мѣстами на общинныхъ земляхъ культурныя улучшенія, на возможность сокращенія размѣровъ пропадающей подъ паромъ земли введеніемъ въ сѣвооборотъ травосѣянія.

Единичныя въ этомъ направленіи попытки и ихъ относительный успѣхъ мало доказательны. Сокращеніе размѣровъ пара и всякое измѣненіе сѣвооборота тре-

буютъ въ первые годы такихъ матеріальныхъ жертвъ, которыя непосильны для обнищавшаго сельскохозяйственнаго населенія Россіи. Притомъ, именно условія общиннаго быта, необходимость согласія большинства крестьянъ на всякое измѣненіе хозяйственнаго распорядка будутъ всегда служить непреодолимымъ препятствіемъ для успѣховъ сельской культуры на необъятномъ пространствѣ общинныхъ земель. Если въ этомъ отношеніи достигнуты довольно благопріятные результаты въ Московской губерніи, то объясняется это тѣмъ, что въ самомъ центрѣ промышленнаго раіона главный заработокъ населенію даютъ города и фабрики, а сельское хозяйство служитъ только подсобнымъ промысломъ.

Такіе успѣхи общиннаго землепользованія, частичные и непрочные, можно отмѣтить и въ западной Европѣ.

Развернувъ очень популярное въ Германіи сочиненіе Янсена о состояніи германскаго народа наканунѣ реформаціи, въ главѣ о сельскохозяйственномъ трудѣ читаемъ: «Въ обработкѣ земли распространено было, благопріятное для общиннаго землевладѣнія и свойственное общности земельныхъ угодій трехпольное хозяйство. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ стали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ засѣвать часть пара горохомъ съѣдобнымъ и кормовымъ (викка)». Далѣе этого успѣхи сельскаго хозяйства, при общинномъ землепользованіи, въ Германіи не пошли.

Лучше всего изучили русскую земельную общину наши народники крайняго направленія и они не только признаютъ, но и приводятъ несомнѣнныя доказательства того, что она находится въ состояніи разложенія. Возрожденія ея они ждутъ отъ общиннаго труда, отъ обработки земли всѣмъ обществомъ, съ равномѣрнымъ раздѣленіемъ плодовъ.

Но насколько очевидно въ русскомъ крестьянствѣ стремленіе къ личной независимости и хозяйственной

самостоятельности, настолько же несомнѣнно его непреодолимое отвращеніе отъ коммунальнаго труда. Убѣдительнымъ доказательствомъ того, что русскіе крестьяне не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія разыграть роль статистовъ въ такой соціально-коммунистической идиліи, могутъ служить аракчеевскія поселенія и неуспѣхъ общественныхъ запашекъ съ продовольственною цѣлью.

Коммунальный земледѣльческій трудъ существовалъ у нѣкоторыхъ народностей первобытной культуры, да и теперь еще можно его встрѣтить у иныхъ дикарей. При земельномъ просторѣ онъ обезпечиваетъ всѣмъ равное удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, но онъ дѣлаетъ прямо невозможнымъ прогрессъ сельскаго хозяйства, атрофируя въ людяхъ всякую личную иниціативу и обращая ихъ въ однородную сѣрую массу, лишенную всякой воли *).

О русской сельской общинѣ существуетъ еще такое мнѣніе, что она должна избавить Россію отъ язвы пролетаріата, а о людяхъ, не раздѣляющихъ этого мнѣнія, говорятъ, что они хотятъ русскій народъ отрѣшить, освободить отъ земли. Это мнѣніе есть плодъ увлеченія, основаннаго на цѣломъ рядѣ недоразумѣній.

Нужно замѣтить, прежде всего, что земля, безъ всякаго содѣйствія чиновниковъ, націоналистовъ и народниковъ, сама удержитъ на себѣ столько народа, сколько способна прокормить, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ умѣлѣе съ ней будутъ обращаться и любовнѣе

*) Когда такіе земледѣльцы-коммунисты подпали въ Парагваѣ подъ власть іезуитовъ, то святые отцы пріобрѣли надъ ними такое вліяніе, что удачно регулировали у нихъ даже половыя сношенія въ интересахъ сельскаго хозяйства, заботясь о томъ, чтобы послѣдніе мѣсяцы беременности приходились у женщинъ на время, болѣе свободное отъ полевыхъ работъ.

къ ней относиться. Она не терпитъ только землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ по неволѣ.

Слѣдуетъ, далѣе, условиться о значеніи пролетаріата.

Пролетарій — это всякое лицо, живущее своимъ трудомъ, не имѣя капитала. Поэтому чиновникъ, писатель, художникъ и вообще люди такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, не обладающіе движимымъ или недвижимымъ имуществомъ, такіе же пролетаріи, какъ фабричные рабочіе и сельскіе батраки, отличаясь отъ послѣднихъ только тѣмъ, что получаютъ за свой трудъ, и то не всегда, большее вознагражденіе.

Если, какъ надо думать, имѣются въ виду фабричные рабочіе и сельскіе батраки, то едва ли въ цѣли разсудительной политики можетъ входить освободить Россію отъ этого рода пролетаріевъ.

Надо помнить, что мы уже давно живемъ въ условіяхъ капиталистическаго строя, и возвратъ къ натуральному хозяйству не только нежелателенъ, но и невозможенъ.

О кустарныхъ промыслахъ я говорилъ выше. Они заслуживаютъ всяческаго поощренія и могутъ существовать рядомъ съ фабричною промышленностью, но замѣнить ее не могутъ, — а заводъ, фабрика и горный промыселъ требуютъ для своего процвѣтанія, прежде всего, умѣлыхъ, исправныхъ рабочихъ и притомъ постоянныхъ, спеціализировавшихся на извѣстномъ производствѣ и живущихъ по возможности семьями на самомъ заводѣ, фабрикѣ или промыслѣ и, во всякомъ случаѣ, не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи.

Фабричный или горнопромышленный трудъ, какъ отхожій промыселъ для пахаря, связаннаго съ своей земельной общиной, вредно отражающійся на успѣхѣ нашей обрабатывающей промышленности, прямо гибеленъ для деревни, въ особенности въ нравственномъ от-

ношеніи, дѣйствуя разлагающимъ образомъ на крестьянскую семью, внося порокъ и разгулъ въ сельскіе нравы.

Въ матеріальномъ отношеніи наша обнищавшая деревня, недостаточно обезпеченная землею, при общественномъ пользованіи не можетъ дать своимъ общественникамъ, занимающимся фабричнымъ трудомъ, того обезпеченія, которымъ пользуются теперь на западѣ профессіональные рабочіе, вслѣдствіе участливаго къ нимъ отношенія, какъ государства, такъ и самихъ промышленниковъ, руководствующихся при этомъ не только гуманностью, но и личнымъ интересомъ.

Достаточно назвать успѣхи, которые въ этомъ отношеніи достигнуты въ Германіи страхованіемъ трудящагося люда отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзни, старости и преждевременной неспособности къ труду, а также постройку для рабочихъ дешевыхъ помѣщеній и цѣлыхъ поселковъ съ садами и огородами.

Только въ области утопіи можно задаваться также мыслью о предупрежденіи сельскаго батрачества.

Непрерывный приростъ населенія дѣлаетъ невозможнымъ безграничное размноженіе самостоятельныхъ хозяйствъ. Съ 1861 г. земельный душевой надѣлъ нашихъ крестьянъ сократился на половину и такое уменьшеніе, при трехпольномъ хозяйствѣ, свойственномъ общинному землепользованію, обусловливаетъ уже теперь очевидный недостатокъ земли для прокормленія сельскаго населенія. Къ концу этого столѣтія, при ожидаемомъ увеличеніи населенія Россіи до 400 милл. душъ, настоящее недостаточное земельное довольствіе сельскаго населенія сократится въ три раза. Очевидно поэтому, что гораздо ранѣе этого долженъ совершиться переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ, несовмѣстимой съ общиннымъ землепользованіемъ и требующей наемнаго труда.

Русская земельная община не только неспособна из-

бавить наше отечество отъ пролетаріата, но въ условіяхъ общиннаго строя нищенство становится промысломъ: во многихъ губерніяхъ крестьяне нищенствуютъ цѣлыми деревнями.

Несмотря на равное долевое участіе каждаго крестьянина-общинника въ пользованіи общественной землей, община не предупреждаетъ и крайне неравномѣрнаго распредѣленія достатка и не обезпечиваетъ большинству общественниковъ даже насущной потребности въ пропитаніи. Въ ней не существуетъ экономическаго равенства и поземельныя сдѣлки между состоятельными и неимущими членами общины носятъ явно ростовщическій характеръ: зависимость слабыхъ хозяйствъ отъ сильныхъ достигаетъ значенія невольническихъ отношеній.

Весьма интересныя по этому предмету данныя относительно земельной аренды среди однообщественниковъ сообщаетъ А. Н. Анциферовъ на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія, произведеннаго имъ въ Харьковской губерніи *). Свободную мірскую землю и надѣлы, сдающіеся по общественнымъ приговорамъ за недоимки, берутъ въ аренду исключительно состоятельные крестьяне за половинную цѣну противъ нормальныхъ арендныхъ цѣнъ данной мѣстности. По добровольнымъ соглашеніямъ, сильные и многоземельные крестьяне арендуютъ земли у малоземельныхъ и слабыхъ, не доплачивая имъ противъ «рыночныхъ» арендныхъ цѣнъ отъ 15 до 32%.

Многочисленныя и точныя данныя о разнообразныхъ экономическихъ отношеніяхъ въ средѣ сельской земельной общины не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она не только не имѣетъ значенія союза взаимо-

*) А. Н. Анциферовъ. Аренда крестьянскихъ душевыхъ надѣловъ и ея значеніе. 1902.

помощи, но и служитъ ареной жестокой, безпощадной эксплуатаціи сильнымъ слабаго.

Не въ однихъ условіяхъ общиннаго землепользованія слѣдуетъ, конечно, искать причину того, что теоретически присущее общинѣ имущественное равенство выродилось въ столь суровую экономическую зависимость большинства бѣдняковъ отъ состоятельнаго меньшинства. Значительная доля отвѣтственности въ этомъ должна быть отнесена на счетъ круговой поруки, личной зависимости крестьянина отъ своего сословнаго общества и его правовой необезпеченности, — а потому въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ о мѣрахъ, имѣющихъ урегулировать особенности крестьянскаго землевладѣнія, справедливо будетъ исходить только изъ того положенія, что общинное землепользованіе, по самой своей природѣ и въ виду указаній историческаго опыта, не допускаетъ успѣховъ сельскохозяйственной культуры въ мѣрѣ, достаточной для того, чтобы обезпечить матеріальное благосостояніе русскихъ крестьянъ при послѣдовательномъ ростѣ населенія.

При настоящемъ соотношеніи у насъ численности сельскаго населенія и пространства надѣльныхъ земель, сельское хозяйство, чтобы прокормить народъ, чтобы не быть убыточнымъ, чтобы обезпечить выгодный сбытъ сельскихъ продуктовъ за границу, требуетъ уже интенсивной культуры. Такая культура возможна для земледѣльца только на землѣ, на которой онъ полный хозяинъ, на которой его личная хозяйственная иниціатива не встрѣчаетъ ни съ чьей стороны препятствій; надо, чтобы эту землю онъ могъ полюбить и имѣлъ увѣренность, что воспользуется самъ всѣми достигнутыми улучшеніями.

Поэтому законы о крестьянскомъ землепользованіи должны имѣть своей конечной цѣлью образованіе въ

границахъ надѣльныхъ земель мелкой земельной собственности въ условіяхъ, наиболѣе благопріятныхъ для послѣдовательнаго прогресса сельскохозяйственной культуры. Община должна при этомъ получить значеніе хранительницы неотчуждаемаго земельнаго фонда, питающаго мелкое крестьянское землевладѣніе хуторскаго типа.

Разработка гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ особенности крестьянскаго землевладѣнія, представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ опредѣленіе юридическаго быта сложной крестьянской семьи.

Положеніе о крестьянахъ совершенно игнорируютъ крестьянскую семью, какъ семейный союзъ, отличный отъ гражданской семьи, и она нашла себѣ признаніе только въ разъяснительныхъ опредѣленіяхъ Сената. Это даетъ поводъ инымъ юристамъ, даже хорошимъ знатокамъ крестьянскаго дѣла, отвергать самое существованіе такой разновидности союза семейственнаго.

Что касается до особаго порядка пользованія и распоряженія крестьянскими надѣльными землями, то касающіяся этого предмета постановленія имѣются въ положеніяхъ о крестьянахъ,—общемъ, о выкупѣ и о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Его касаются и аграрные законы такого большого значенія, какъ изданныя въ 1893 году правила о передѣлахъ мірской земли, 8-го іюня, и правила объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ надѣльныхъ земель, 14 декабря.

Законы эти можно находить неудовлетворительными и недостаточными, но они даютъ, во всякомъ случаѣ, законодательный матеріалъ для переработки при изданіи болѣе ясныхъ, болѣе полныхъ и болѣе совершенныхъ по формѣ постановленій гражданскаго права о порядкѣ распоряженія и пользованія крестьянскими

надѣльными землями при общинномъ и подворномъ владѣніи.

Укажу на нѣсколько мѣръ, которыя, при законодательномъ регулированіи порядковъ крестьянскаго землепользованія, могли бы содѣйствовать добровольному разселенію крестьянъ въ границахъ надѣльныхъ земель и послѣдовательному, осторожному переходу наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству на собственной землѣ.

1. Законъ долженъ обязать общество при каждомъ передѣлѣ, прежде всего, обсудить способы устраненія чрезполосицы и отвода крестьянамъ надѣловъ по возможности къ однимъ мѣстамъ, предложивъ желающимъ перенести свои усадьбы на отведенные имъ участки надѣльныхъ земель.

2. Слѣдуетъ разрѣшить крестьянамъ, въ предѣлахъ надѣла и помимо согласія общества, свободный обмѣнъ надѣловъ и отдѣльныхъ участковъ земли, а также пріобрѣтеніе ихъ за вознагражденіе, опредѣливъ максимальный размѣръ земельнаго владѣнія на одинъ дворъ.

3. Поощрить переносъ усадебъ въ предѣлы земельнаго надѣла отдѣльныхъ крестьянъ ссудами и другими мѣрами, причемъ прежняя усадебная осѣдлость остается, конечно, въ полной собственности переселившагося двора, можетъ быть имъ продана или обмѣнена на другую землю.

4. При передѣлѣ размѣръ отрубныхъ, не чрезполосныхъ участковъ не долженъ быть уменьшаемъ, если на немъ сдѣланы хозяйственныя улучшенія, хотя-бы онъ ко времени передѣла не соотвѣтствовалъ составу семьи. Въ интересахъ общины съ владѣльцевъ такихъ участковъ можетъ быть взыскиваемъ за излишнюю землю выкупной платежъ въ увеличенномъ размѣрѣ или иное вознагражденіе.

5. За крестьянами, владѣющими такими участками и имѣющими на нихъ свою усадьбу, должно быть признано, не обусловленное согласіемъ общества, право выкупить ихъ досрочно въ личную собственность.

6. Надо всестороне обсудить вопросъ не слѣдуетъ-ли указанное въ предыдущемъ пунктѣ право выкупа предоставить при извѣстныхъ условіяхъ всякому домохозяину, въ семьѣ котораго не имѣется боковыхъ родственниковъ.

7. Слѣдуетъ опредѣлить какъ предѣлъ дѣлимости такихъ участковъ, такъ и предѣльную норму сосредоточенія надѣльной земли въ однихъ рукахъ.

Правила эти съ изъятіями, обусловливаемыми отсутствіемъ передѣловъ надѣльной земли, вполнѣ примѣнимы и для крестьянскихъ надѣльныхъ земель наслѣдственнаго пользованія.

Потребность разселенія въ предѣлахъ надѣла на хутора и волоки сознается самими крестьянами. Такое разселеніе уже въ дѣйствительности и совершается во многихъ мѣстностяхъ, въ губерніяхъ Тверской, Витебской, Могилевской, Ковенской, Волынской,—несмотря на то, что соглашенія по этому предмету, при отсутствіи закона, носятъ, такъ сказать, домашній характеръ, а юридически эти общества считаются на прежнемъ положеніи.

Это показываетъ, что мѣры, содѣйствующія развитію мелкаго крестьянскаго землевладѣнія и хуторскаго хозяйства, удовлетворяютъ уже назрѣвшей потребности.

Онѣ не только открываютъ широкій просторъ для всевозможныхъ улучшеній сельскохозяйственной культуры въ крестьянской средѣ, отчего зависитъ благосостояніе сельскаго населенія, а слѣдовательно и богатство всей страны,—онѣ полезны и съ точки зрѣнія охранительныхъ началъ просвѣщеннаго консерватизма, дѣлая

лучшіе элементы крестьянскихъ массъ заинтересованными въ охранѣ личной собственности.

Правосознаніе самихъ крестьянъ несомнѣнно склоняется въ пользу личной собственности и естественная эволюція крестьянской поземельной собственности въ этомъ направленіи задерживается неопредѣленностью законодательныхъ опредѣленій и требованіями власти въ противоположномъ смыслѣ.

По изслѣдованію г. Кошкаровымъ условій крестьянскаго землевладѣнія въ губерніяхъ Тульской и Орловской у значительнаго большинства крестьянъ земля разверстана по ревизскимъ душамъ, то есть отдѣльныя крестьянскія семьи, независимо отъ измѣняющагося ихъ состава, владѣютъ землей и выкупаютъ ее въ томъ самомъ размѣрѣ, въ которомъ были ею надѣлены при освобожденіи. При этомъ, говоритъ г. Кошкаровъ, «намъ пришлось убѣдиться изъ распросовъ при объѣздахъ, что раздѣлъ на наличныя души происходитъ въ большинствѣ случаевъ подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ».

Это, однако, нисколько не содѣйствуетъ дѣйствительно равномѣрному пользованію землей въ тѣхъ обществахъ, гдѣ земля разверстана по наличнымъ душамъ: въ нихъ, замѣчаетъ г. Кошкаровъ, можно встрѣтить «малочисленные дворы съ значительнымъ, сравнительно, надѣломъ и, наоборотъ, дворы многочисленные, пользующіеся землей на 1—2 души, а то и менѣе».

Такое стремленіе крестьянъ къ обезпеченному владѣнію землей на правахъ собственности находило себѣ удовлетвореніе въ предначертаніяхъ законодательной власти при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Еще въ высочайшемъ повелѣніи 4 декабря 1858 года Главному Комитету по крестьянскому дѣлу указано было, что «необходимо стараться, чтобы крестьяне

постепенно дѣлались поземельными собственниками». Указаніе это послѣдовательно проведено въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 года, но затерялось въ послѣдующихъ узаконеніяхъ и практикѣ крестьянскихъ учрежденій.

Мы здѣсь намѣтили въ краткихъ указаніяхъ только тотъ путь, который ведетъ къ установленію твердаго правопорядка въ области крестьянскаго землепользованія на надѣльныхъ земляхъ въ направленіи соотвѣтствующемъ ясно выраженнымъ требованіямъ крестьянъ и цѣли, намѣченной законодателемъ для великой освободительной реформы 1861 года. Для детальныхъ сужденій о желательныхъ нормахъ положительнаго права, имѣющихъ регулировать особенности сложной крестьянской семьи и подробности землепользованія на надѣльныхъ земляхъ, еще не имѣется достаточно данныхъ.

Какъ ни цѣнны труды коммисіи сенатора Любощинскаго по изслѣдованію волостныхъ судовъ, они представляютъ изъ себя сырой матеріалъ, относящійся къ 1873—1874 гг., могущій въ настоящее время служить только исходной точкой для мѣстнаго изслѣдованія съ цѣлью опредѣлить наиболѣе соотвѣтствующіе понятіямъ и интересамъ земледѣльческаго населенія порядки землепользованія въ границахъ надѣльныхъ земель и находящіяся съ ними въ тѣсной связи особенности семейныхъ отношеній.

Весьма обширная литература наша по крестьянскому вопросу, обычному праву и общинѣ можетъ также служить только пособіемъ, а не источникомъ для начертанія гражданскихъ законовъ объ особенностяхъ семейныхъ и поземельныхъ правоотношеній на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ.

Требуется такимъ образомъ разработка законопроектовъ въ этой области гражданскаго права, къ чему должны быть привлечены лучшія юридическія силы

страны, при участіи болѣе извѣстныхъ въ литературѣ изслѣдователей крестьянскаго быта.

Въ области уголовнаго правопорядка *подлежитъ отмѣнѣ карательная власть надъ крестьянами сельскаго общественнаго управленія и земскаго начальника*, какъ вполнѣ несовмѣстимая съ полноправностью лично свободныхъ крестьянъ. По тѣмъ-же основаніямъ наше сельское населеніе слѣдуетъ *освободить отъ тѣлесныхъ наказаній*, которымъ крестьяне подвергаются наравнѣ съ лишенными гражданскихъ правъ каторжниками и острожниками.

Когда былъ возбужденъ вопросъ объ отмѣнѣ въ Россіи тѣлесныхъ наказаній, разрѣшенный высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1863 года, многіе министры и главные начальники вѣдомствъ высказались въ своихъ отзывахъ за полную ихъ отмѣну, въ томъ числѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, военный министръ Д. А. Милютинъ, шефъ жандармовъ князь В. А. Долгорукій. За сохраненіе тѣлесныхъ наказаній, вообще, высказался министръ юстиціи графъ Панинъ, горячо защищавшій ихъ впослѣдствіи и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Наказаніе розгами для крестьянъ по приговорамъ волостныхъ судовъ сохранено было тогда «временно».

Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ и это позорное и позорящее наказаніе еще существуетъ, продолжая угнетать чувство собственнаго достоинства крестьянъ и служа самымъ обиднымъ выраженіемъ ихъ неравноправности.

Тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра для крестьянъ, настолько претитъ общественному сознанію въ Россіи, что за отмѣну его высказывались всѣ общественныя учрежденія, имѣвшія возможность сказать свое по этому предмету мнѣніе: вольно-экономическое общество, санитарные совѣты, вся періодическая печать, за

исключеніемъ двухъ-трехъ мало распространенныхъ ретроградныхъ газетъ, и едва-ли не всѣ земства. Въ одномъ 1896 г. сорокъ восемь губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній предъявили ходатайства объ отмѣнѣ наказанія розгами для крестьянъ.

Въ земскихъ собраніяхъ указывалось при этомъ на случаи, когда тѣлесное наказаніе доводило крестьянъ до душевнаго разстройства и самоубійства, приводились факты, доказывавшіе, что подъ вліяніемъ волостныхъ старшинъ и писарей ему подвергались почтенные и порядочные крестьяне изъ личной вражды или чтобы устранить ихъ конкуренцію на извѣстныя должности, такъ какъ тѣлесное наказаніе преграждаетъ доступъ къ службѣ по выборамъ.

Съ введеніемъ положенія о земскихъ начальникахъ имъ предоставлено право замѣнять тѣлесное наказаніе другими взысканіями. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ, что существованіе этого наказанія въ той или другой мѣстности зависитъ отъ такой случайности, какъ личное воззрѣніе земскаго начальника на значеніе розги. Земскіе начальники, съ своей стороны, нерѣдко руководствуются въ данномъ случаѣ мнѣніемъ губернатора. Вслѣдствіе этого есть уѣзды и даже губерніи, въ которыхъ тѣлесное наказаніе фактически отмѣнено, но съ перемѣною начальства оно можетъ быть вновь вводимо. Случается также, что изъ двухъ сосѣднихъ земскихъ участковъ въ одномъ наказаніе розгами допускается, а въ другомъ нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи крестьяне прибалтійскихъ губерній поставлены въ лучшія условія. Имъ предоставлено право требовать замѣны тѣлеснаго наказанія другимъ взысканіемъ.

Наказаніе крестьянъ розгами слѣдуетъ отмѣнить и потому, что оно поражаетъ не однихъ подвергаемыхъ

ему лицъ: стыдъ его чувствуетъ множество русскихъ людей,—всѣ тѣ, которыхъ существованіе у насъ этого позорнаго наказанія оскорбляетъ въ ихъ національномъ достоинствѣ.

VII.

Крестьянскія сословныя учрежденія и правительственные органы управленія крестьянами.

Обособленность отдѣльныхъ сословій имѣетъ въ современномъ соціальномъ строѣ культурныхъ государствъ по преимуществу профессіональный характеръ: принадлежность къ сословіямъ купеческому, ремесленному или крестьянскому обусловливается занятіемъ торговлею, промыслами ремесленнымъ или земледѣльческимъ. Послѣдній, самъ по себѣ, по самому свойству земледѣльческихъ занятій, обособляетъ крестьянъ, рѣзче другихъ профессій выдѣляетъ крестьянъ въ бытовомъ отношеніи изъ остальной, болѣе однородной массы населенія, особенно если законодательство страны заботливо охраняетъ исторически сложившіяся особенности крестьянскаго, мелкаго землевладѣнія. Помимо этого, во многихъ странахъ въ высшемъ классѣ населенія сохранились извѣстныя сословныя прерогативы историческаго традиціоннаго значенія: въ Англіи, въ Германіи, въ Австро-Венгріи дворянство продолжаетъ пользоваться по преемству отъ порядковъ временъ феодальныхъ весьма значительными политическими и почетными преимуществами.

Такая сословная обособленность отдѣльныхъ группъ населенія вполнѣ совмѣстима съ полноправностью, т. е. равенствомъ всѣхъ лично свободныхъ гражданъ государства передъ закономъ, для всѣхъ одинаково обязательнымъ; сословныя отличія и даже извѣстныя сословныя привилегіи прекрасно уживаются съ личной свободой, законностью и равноправностью,—этими живительными началами современнаго государственнаго общежитія. Только въ этомъ значеніи и въ этихъ предѣлахъ можетъ быть охраняема полезная сословная обособленность крестьянъ. Не надо забывать, что понимаемая въ узкомъ смыслѣ сословная обособленность, выражающаяся для высшаго класса населенія въ привилегіяхъ, достигается въ низшемъ только путемъ ограниченія личной свободы и полноправности *).

Въ историческомъ прошломъ русскаго народа, въ противорѣчіи съ этими нормальными условіями сословныхъ отношеній, стояло только крѣпостное право, личная зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, послѣдовательно выродившаяся въ настоящее рабство. Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости уже не существуетъ и у насъ условій, которыя вызывали бы необходимость полнаго сословнаго разобщенія крестьянъ отъ остального населенія,—этого не требуютъ ни потребности государственныя, ни сословныя прерогативы дворянства, ни интересы самихъ крестьянъ. Такая сословная обособленность противорѣчила бы, какъ мы видѣли, и основнымъ началамъ освободительной реформы

*) Такого пониманія сословной обособленности не исключаетъ и Высочайшій указъ 8-го января 1904 года, которому нельзя придавать значенія Высочайшей санкціи соображеній министерской коммиссіи, не выражающихъ еще въ настоящей стадіи работъ по пересмотру законоположеній о крестьянахъ и окончательнаго мнѣнія Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

1861 года, допустившей нѣкоторыя ограниченія полноправности крестьянъ и сословный составъ сельскаго общества и волости только временно, создавшей особыя крестьянскія учрежденія только для приведенія крестьянской реформы въ дѣйствіе и подчинившей крестьянъ во всемъ остальномъ вѣдѣнію общихъ правительственныхъ установленій.

Теперь уже не существуетъ многое изъ того, что вызывало необходимость этихъ сословныхъ особенностей и ограниченій въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ. Исполненіе выкупной операціи вполнѣ обезпечено и отмѣнена подушная подать, которая клала столь глубокую грань между сословіями привилегированными и податными.

Личная зависимость крестьянъ отъ ихъ сословныхъ обществъ обусловливалась главнымъ образомъ круговой порукой и затрудненіями для выхода изъ общества. Круговая порука отмѣнена, а манифестомъ 26 февраля 1903 г. уже предрѣшенъ вопросъ о свободѣ выхода крестьянъ изъ сельскихъ обществъ, чѣмъ имъ обезпечивается независимое отъ чьего-либо разрѣшенія избраніе мѣста жительства по желанію и занятія по призванію.

Когда крестьянамъ будетъ такимъ образомъ предоставлено право свободно располагать собою при избраніи рода жизни и занятія, уже не окажется никакихъ основаній стѣснять ихъ свободу передвиженія и на крестьянъ должны быть распространены общія для всѣхъ паспортныя правила.

Не замедлитъ, конечно, отойти въ область преданія и оставленное за сельскими обществами въ 1862 г., въ видѣ временной мѣры до преобразованія судебной части, право предоставлять своихъ односельчанъ, признаваемыхъ ими «вредными и порочными», въ распоряженіе правительства для поселенія въ Сибири и въ силу зако-

на 1900 г. обратившееся въ право удалять изъ общества такихъ крестьянъ, «дальнѣйшее пребываніе коихъ въ этой средѣ угрожаетъ мѣстному благосостоянію и безопасности».

Этимъ завершится циклъ мѣропріятій, направленныхъ къ освобожденію крестьянъ отъ послѣднихъ ограниченій ихъ личной свободы и отъ зависимости ихъ отъ сословнаго общества.

Остается затѣмъ сословное обособленіе земледѣльческаго населенія въ области управленія и суда.

Въ сельскія общества связываютъ теперь крестьянъ общность землепользованія съ одной стороны и интересы мѣстнаго благоустройства, вытекающіе изъ совмѣстной жизни, съ другой. Такая двойственная природа крестьянскаго сельскаго общества, кромѣ многихъ практическихъ неудобствъ, ведетъ къ крайней неопредѣленности всего правопорядка этого общественнаго союза вслѣдствіе смѣшенія въ немъ элементовъ гражданскаго и публичнаго права.

При первомъ же серьезномъ пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ въ комиссіи, образованной въ 1881 г. подъ предсѣдательствомъ ст.-секретаря Каханова, выдѣленное изъ состава комиссіи совѣщаніе для обсужденія вопроса о реорганизаціи крестьянскаго сельскаго и волостного управленія признало необходимымъ отъ понятія о сельскомъ обществѣ, какъ населенномъ центрѣ, отдѣлить понятіе *о крестьянскомъ поземельномъ союзѣ*, какъ гражданско-правовомъ общеніи людей, связанныхъ въ одно цѣлое извѣстными отношеніями по владѣнію надѣльными землями.

Къ тому же заключенію пришла и новѣйшая комиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. По ея мнѣнію, «крестьянское населеніе можетъ быть объединено въ отдѣльныя, вполнѣ жизнедѣятельныя обществен-

ныя группировки лишь при томъ условіи, если эти группировки будутъ раздѣлены на двѣ отдѣльныя категоріи, а именно, на союзы крестьянъ, объединенныхъ общностью землепользованія, и на союзы, объединенные совмѣстною жизнью въ ближайшемъ другъ отъ друга сосѣдствѣ».

Въ соотвѣтствіи съ этими соображеніями, комиссія расчленяетъ существующее сельское общество на его составные элементы, при чемъ получается земельное общество, въ которомъ крестьянъ объединяетъ совмѣстное владѣніе надѣльной землей по одному акту укрѣпленія, и сельское общество, въ вѣдѣніи котораго оставляется удовлетвореніе интересовъ мѣстнаго благоустройства, вызываемыхъ совмѣстнымъ проживаніемъ въ чертѣ одного селенія или группы отдѣльныхъ поселеній, соединенныхъ въ одно сельское общество.

При такомъ, совершенно правильномъ разрѣшеніи вопроса о реорганизаціи существующаго самоуправляющагося крестьянскаго сельскаго общества, изъ него, само собою, такъ сказать—автоматически, уходитъ въ земельное общество все спеціально крестьянское, все сословно-земледѣльческое, заключающееся въ особыхъ порядкахъ землепользованія, только крестьянамъ свойственныхъ, отличныхъ отъ общихъ нормъ поземельныхъ отношеній, устанавливаемыхъ гражданскими законами для лицъ другихъ состояній.

Остается самоуправляющееся учрежденіе мѣстнаго значенія, по самой своей природѣ безсословное и притомъ безсословное совершенно независимо отъ того, живутъ ли въ предѣлахъ сельскаго общества крестьяне одни или въ сообществѣ съ лицами другихъ сословій. Такое сельское общество безсословно по своему существу и по назначенію, какъ союзъ, обусловливаемый исключительно общими интересами совмѣстнаго жительства: потреб-

ность въ общественномъ благоустройствѣ, въ призрѣніи, въ школѣ, въ соблюденіи санитарныхъ правилъ, въ мѣрахъ предупрежденія и тушенія пожаровъ, въ исправномъ содержаніи дорожныхъ сообщеній—ощущается обывателями, постоянными мѣстными жителями сельской мѣстности совершенно независимо отъ ихъ сословнаго происхожденія. Какъ населенный центръ и средоточіе управленія, сельское общество отличается въ этомъ отношеніи отъ города не по внутреннему своему значенію, а только по размѣрамъ (и то не всегда) и по относительной скромности и неприхотливости потребностей мѣстнаго благоустройства.

Съ того времени, когда на необозримомъ просторѣ нашего отечества, внѣ рѣдкихъ городовъ и посадовъ, жили въ условіяхъ натуральнаго хозяйства только дворяне-помѣщики по своимъ усадьбамъ, крестьяне по деревнямъ и духовенство на погостахъ,—характеръ нашихъ сельскихъ мѣстностей совершенно измѣнился: множество селеній получили торговое и промышленное значеніе и въ нихъ живутъ люди разныхъ состояній и общественныхъ положеній; есть села, въ которыхъ крестьяне оказываются въ меньшинствѣ, и возникли въ сельскихъ мѣстностяхъ такія поселенія, гдѣ заправскіе приписные крестьяне вовсе отсутствуютъ,—станціи желѣзныхъ дорогъ, фабричные и заводскіе поселки, дачныя мѣста,—въ нихъ оказывается теперь невозможнымъ устроить какое-либо сословное управленіе.

Въ такихъ разносословныхъ селеніяхъ безсословный характеръ сельскаго общества выступаетъ рельефнѣе. Повторяю, однако, что онъ въ полной мѣрѣ присущъ и тѣмъ селамъ и деревнямъ, въ которыхъ проживаютъ одни крестьяне: въ каждомъ изъ нихъ можетъ во всякое время поселиться дворянинъ, разночинецъ, купецъ или ремесленникъ и справедливость будетъ требовать какъ

обложить его наравнѣ съ земледѣльцами налогомъ на удовлетвореніе предметовъ мѣстнаго благоустройства, такъ и предоставить ему равныя съ ними права общественнаго представительства.

Сельское общество, по включеніи въ его составъ, въ границахъ его территоріи, мѣстныхъ осѣдлыхъ жителей всѣхъ состояній, не будетъ очевидно никакихъ основаній лишать присущаго ему нынѣ значенія самоуправляющейся единицы, а по предметамъ своего вѣдѣнія оно входитъ прямо въ сферу дѣятельности земскихъ учрежденій, вѣдающихъ тѣ же самыя дѣла мѣстнаго благоустройства, только въ болѣе обширныхъ раіонахъ. Это впередъ намѣчаетъ ему мѣсто основной ячейки въ системѣ нашихъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій,—съ тѣмъ или другимъ названіемъ, при томъ или иномъ устройствѣ относительно пространства его территоріи и численности его населенія, условій участія въ немъ отдѣльныхъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ по размѣрамъ и цѣнности этихъ имуществъ. Такимъ образомъ, совершится естественная эволюція сельскаго общества въ полномъ соотвѣтствіи съ практическими требованіями современной общественной жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Не указанія отвлеченной правоуравнительной теоріи, а будничныя насущныя потребности мѣстной жизни опредѣляютъ необходимость объединить мѣстныхъ обывателей, безъ различія происхожденія, въ такой общественный союзъ,—сельское общество, община, земскій приходъ,—въ которомъ люди и потребности были бы мѣстнымъ жителямъ близко знакомы, гдѣ всякій участвующій въ общественномъ управленіи дѣлаетъ близкое ему дѣло, заботится о своей церкви, о мѣстной школѣ, оберегаетъ въ пожарномъ отношеніи свой домъ, ограждаетъ санитарными мѣрами здоровье своей семьи и

лично заинтересованъ въ удобопроѣздности дороги или моста, которыми безпрестанно пользуется. Только взаимное знакомство, вызываемое сосѣдскими отношеніями, можетъ обезпечить надежную организацію мелкаго кредита на покупку сѣмянъ, скота, сельскохозяйственныхъ орудій и на разнообразныя меліораціи. Совершенно ясно также, что потребности эти могутъ быть наиболѣе успѣшно удовлетворяемы при участіи въ такомъ обществѣ представителей мѣстной интеллигенціи.

Существующія учрежденія мѣстнаго самоуправленія, уѣздныя и губернскія, получатъ въ такой мелкой единицѣ твердую опору и прочный устой. Участіе въ нихъ гласныхъ, практически освѣдомленныхъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, весьма выгодно отзовется на дѣловитости и непосредственно полезныхъ результатахъ дѣятельности земскихъ учрежденій

Такія основныя ячейки мѣстнаго управленія въ той или другой постановкѣ, но всегда безсословныя, существуютъ рѣшительно во всѣхъ культурныхъ странахъ, а также у насъ въ возсоединенной отъ Румыніи части Бессарабіи, въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Финляндіи, составляя вездѣ совершенно необходимую основу мѣстнаго благоустройства.

Послѣ обращенія сельскаго общества съ присоединеніемъ къ нему личныхъ собственниковъ извѣстнаго раіона,—въ первичный и основной органъ мѣстнаго самоуправленія и при условіи сохраненія должности земскаго начальника,—волость, крестьянская или безсословная, окажется въ строѣ нашего уѣзднаго управленія совершенно лишнею.

Образованіе всесословной волости едвали оправдывается какими либо серьезными потребностями мѣстнаго управленія. Не легко будетъ опредѣлить ея компетенцію

дѣлами, которыя не входили бы въ предметы вѣдѣнія или мелкой земской единицы (сельскаго общества, общины или земскаго прихода), или уѣзднаго земства, тогда какъ существованіе этой промежуточной инстанціи потребовало бы немаловажной затраты личныхъ силъ и денежныхъ средствъ.

Въ противоположность сельскому обществу, вѣдающему дѣла хозяйственныя, связанныя съ владѣніемъ надѣльной землей, крестьянская волость была учреждена для ближайшаго управленія и суда, причемъ «въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставлено міру» (ст. 17 Общ. Пол., изъ первоначальной редакціи). Вѣдѣнію волостного схода, какъ власти распорядительной, предоставлены были: постановленія о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ цѣлей волости, мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ и т. д. (тамъ же, ст. 78).

Еще во время законодательныхъ работъ по освобожденію крестьянъ высказывались основательныя возраженія противъ учрежденія крестьянскихъ волостей. Уже тогда указывалось, что, искусственно соединяя чуждыя другъ другу общества, волости станутъ не органами самоуправленія, а орудіями тягостной централизаціи.

Опасенія эти вполнѣ подтвердились и волостное устройство въ томъ видѣ, какъ оно было задумано законодателемъ, нигдѣ рѣшительно не осуществилось.

Волостные сходы только избираютъ старшину и вотируютъ суммы на содержаніе волостного правленія, коллегіальный составъ котораго существуетъ только на бумагѣ. Крестьяне, какъ сословіе, въ этой второй инстанціи своего сословнаго управленія рѣшительно не нуждаются и во всемъ этомъ волостномъ устройствѣ получило первенствующее значеніе и одностороннее развитіе только

указаніе закона, что волостной старшина долженъ исполнять «безпрекословно требованія всѣхъ установленныхъ властей по предметамъ ихъ вѣдомства». Поэтому волостной старшина, олицетворяющій крестьянскую волость, сталъ исполнительнымъ органомъ по самымъ разнообразнымъ отраслямъ управленія, ничего общаго съ сословными интересами крестьянъ не имѣющими.

Не удовлетворяя никакихъ спеціально сословно-крестьянскихъ интересовъ, волостное управленіе оплачивается, однако, одними крестьянами.

При этихъ условіяхъ и послѣ обращенія сельскаго общества въ спеціальный органъ по дѣламъ мѣстнаго благоустройства, которыя были безуспѣшно возлагаемы на волостное управленіе, вопросъ объ упраздненіи крестьянской волости не можетъ возбуждать никакого сомнѣнія.

Столь же несомнѣнно, что возложенныя въ разное время на волостное управленіе функціи по разнообразнымъ отраслямъ общегосударственной администраціи, которыми нынѣ вѣдаетъ избираемый крестьянами старшина подъ начальственнымъ руководствомъ земскаго начальника, должны были бы перейти въ непосредственное вѣдѣніе послѣдняго, какъ участковаго въ уѣздѣ представителя государственной исполнительной власти.

При разрѣшеніи вопроса о сословномъ крестьянскомъ судѣ, законодателю слѣдуетъ исходить изъ слѣдующихъ основныхъ началъ.

Особенности гражданскаго правопорядка крестьянъ не вызываются ихъ сословнымъ происхожденіемъ въ тѣсномъ смыслѣ понятія сословности. Натура договора купли-продажи, найма и займа не мѣняется отъ сословнаго происхожденія договаривающихся сторонъ. Это также несомнѣнно, какъ и то, что въ области мѣстнаго благоустройства не можетъ быть особливо дво-

рянскихъ дорогъ, крестьянскихъ дорогъ, крестьянскихъ мостовъ или противопожарныхъ и санитарныхъ мѣръ, свойственныхъ только «лицамъ бывшихъ податныхъ сословій». Особенности эти обусловливаются самой природой извѣстныхъ имуществъ и договоровъ, а также бытовыми и профессіональными отличіями собственниковъ или договаривающихся сторонъ.

Въ этомъ смыслѣ существуютъ у насъ особенности крестьянскаго землевладѣнія только въ границахъ надѣльныхъ земель.

Характеръ этого вида поземельной собственности можетъ вызывать также необходимость извѣстныхъ особенностей въ порядкѣ наслѣдованія этими землями и договорныхъ по отношенію къ нимъ сдѣлокъ; отступленія отъ общихъ нормъ права могутъ равнымъ образомъ касаться живого и мертваго на нихъ инвентаря.

Внѣ этого во всей области гражданскаго права не существуетъ ни одного правоотношенія, въ которомъ крестьянинъ, лично свободный земледѣлецъ, не могъ бы являться вполнѣ правомѣрною личностью.

Свободные крестьяне всегда и подчинялись въ Россіи дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ и, съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Положенія 19 февраля 1861 г. поэтому и возстановили эту гражданскую равноправность крестьянъ въ полномъ ея объемѣ. Да и по самому существу крѣпостного права, по преимуществу поземельнаго, оно могло вызвать правовыя особенности только въ отношеніяхъ крестьянъ къ бывшей помѣщичьей землѣ.

Еще менѣе основаній установить для крестьянъ какія либо изъятія въ сферѣ уголовнаго правосудія: законъ уголовный долженъ быть для всѣхъ одинаковъ; наказуемость можетъ зависѣть отъ условій, въ которыхъ совершено преступленіе въ данномъ случаѣ, и

отъ чисто субъективныхъ свойствъ преступника; ихъ предусматриваетъ положительный законъ или предоставляетъ опредѣлить суду, но не можетъ въ этомъ отношеніи существовать такихъ особенностей, которыя были бы свойственны цѣлому сословію.

Выше приведены были особенности крестьянскаго землевладѣнія въ другихъ государствахъ, которыя не вызываютъ нигдѣ ни сословнаго обособленія земледѣльческаго населенія, ни спеціальныхъ для него судебныхъ учрежденій.

При сословномъ обособленіи нашего земледѣльческаго населенія подъ властью особыхъ учрежденій и дѣйствіемъ спеціальныхъ узаконеній нельзя не считаться съ отношеніемъ къ этому вопросу самихъ крестьянъ.

Мнѣніе сторонниковъ сословнаго крестьянскаго суда, что земледѣльческое населеніе Россіи еще чуждо началамъ капитализма и индивидуализма, лежащимъ въ основѣ правопорядка лицъ другихъ состояній—совершенно ошибочно. Для русскихъ крестьянъ эпоха натуральнаго хозяйства, вмѣстѣ съ большимъ просторомъ дѣвственныхъ земель, уже давно миновала. Земля для крестьянина имѣетъ рыночную цѣнность и онъ твердо помнитъ, что онъ стоимость ея при посредствѣ выкупной операціи уплатилъ кровными деньгами.

Покупную цѣнность имѣютъ и всѣ предметы его домашней обстановки: фабричныя хлопчатобумажныя ткани и сукно замѣнили самодѣльный холстъ и сермягу, нѣтъ ни даровой обуви, ни лучины и рѣшительно все надо или пріобрѣтать за деньги, или отчуждать, другими словами, поступать какъ собственникъ, а потому чувство собственности, и притомъ собственности личной, индивидуальной, глубоко проникло въ сознаніе русскихъ народныхъ массъ.

Такая собственность и возникающія изъ нея правоотношенія требуютъ себѣ огражденія въ твердомъ, ясномъ, нелицепріятномъ, для всѣхъ равномъ и одинаково обязательномъ законѣ, а прочность законнаго порядка обезпечивается правомѣрнымъ дѣйствіемъ суда, правильно устроеннаго, независимаго отъ администраціи, состоящаго изъ свѣдущихъ правовѣдовъ.

Очутившись въ круговоротѣ разнообразныхъ, вызываемыхъ капиталистическимъ строемъ, правоотношеній въ качествѣ участника въ тѣхъ или иныхъ сдѣлкахъ, покупая и продавая, нанимая и нанимаясь и т. д., крестьянинъ ощутилъ настоятельную потребность въ законномъ огражденіи своихъ правъ наравнѣ съ людьми другихъ состояній. Онъ настойчиво добивается «закона», т. е. права для всѣхъ одинаковаго, и упорно стучится въ двери общаго регулярнаго суда. Если же онъ временами и въ случаяхъ маловажныхъ и обращается къ суду своихъ деревенскихъ стариковъ, то только потому, что въ настоящій судъ его не пускаютъ, а волостному онъ не вѣритъ.

Поэтому для водворенія прочнаго правопорядка въ земледѣльческой средѣ, вмѣстѣ съ возстановленіемъ въ ясномъ и недвусмысленномъ изложеніи, постановленій Положеній 19 февраля 1861 г. о распространеніи на освобожденныхъ крестьянъ дѣйствія общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и послѣ того, какъ сохранившіяся въ крестьянской средѣ особенности прежнихъ архаическихъ отношеній къ семьѣ и надѣльной землѣ будутъ урегулированы положительнымъ закономъ,—крестьяне въ точное исполненіе 19 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ изданія 1861 года должны быть подчинены въ дѣлахъ судебныхъ общей для всѣхъ юрисдикціи.

Только до изданія законовъ гражданскихъ, опредѣ-

ляющихъ особенности землепользованія на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ, существованіе особаго крестьянскаго суда можетъ быть временно сохранено для разрѣшенія этихъ собственно дѣлъ порядкомъ, установленнымъ Положеніями 19 февраля 1861 г.

Въ защиту сословнаго крестьянскаго суда съ обширной компетенціей защитники его приводятъ еще слѣдующія соображенія практическаго свойства. Они говорятъ, что при громадномъ числѣ дѣлъ, подсудномъ волостному суду, замѣна его судомъ коронным была бы сопряжена съ непосильными для государственнаго казначейства расходами и оказалась бы невозможной за отсутствіемъ у насъ надлежащаго числа лицъ, могущихъ отправлять судейскія обязанности.

Противъ этого нельзя не возразить, что затрудненій этихъ не замѣчалось прежде до увеличенія подсудности волостныхъ судовъ до настоящихъ размѣровъ, и ихъ не существуетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ не дѣйствуетъ, что недостатка въ людяхъ судебное вѣдомство и теперь не ощущаетъ, а съ расширеніемъ поприща его дѣятельности обнаружился бы притокъ новыхъ силъ какъ въ судебную корпорацію, такъ и на юридическіе факультеты университетовъ, и, наконецъ, что профессіональный участковый судья, посвящающій отправленію правосудія все свое время, можетъ исполнить болѣе полезной работы, чѣмъ множество крестьянъ, взятыхъ для этого отъ сохи въ двѣ недѣли разъ.

Сохраненіемъ сословныхъ крестьянскихъ судовъ возбуждается и вопросъ объ изданіи для руководства этихъ судовъ особыхъ сборниковъ законовъ. Сторонники сословнаго крестьянскаго правосудія, объемлющаго почти весь правопорядокъ сельскаго населенія, находятъ, что существующую полную безурядицу от-

правленія правосудія въ сельскихъ мѣстностяхъ по Временнымъ Правиламъ 1889 года, которыя они не отвергаютъ, можно устранить, преподавъ волостному суду въ руководство во всѣхъ подробностяхъ разработанныя правила процессуальнаго и матеріальнаго права, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго. Общіе гражданскіе законы для этого не годятся потому, что всякій кодексъ гражданскаго права расчитанъ будто бы на сложные и значительные интересы отдѣльныхъ лицъ и корпорацій среднихъ и высшихъ классовъ населенія.

Въ дѣйствительности это не такъ: всѣ рѣшительно кодексы гражданскихъ законовъ древняго и новаго міра, въ томъ числѣ и наши, начиная съ Русской Правды и Судебниковъ, опредѣляютъ правоотношенія лицъ всѣхъ сословій безъ всякаго исключенія и притомъ отъ самыхъ простѣйшихъ ихъ формъ до наиболѣе сложныхъ. Къ тому же существующій по Временнымъ Правиламъ 1889 года сословный крестьянскій судъ вовсе не призванъ вѣдать, подобно волостному суду Положеній 1861 года, одни простѣйшія гражданскія отношенія и по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ очеркѣ трудовъ новѣйшей комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, «судъ этотъ нынѣ вѣдаетъ почти всею совокупностью спорныхъ имущественныхъ интересовъ громаднаго большинства сельскихъ обывателей. Съ одной стороны, ему подчинены, наравнѣ съ крестьянами — мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые; въ томъ числѣ и лица, торгующія по промысловымъ свидѣтельствамъ, безъ выборки купеческихъ сословныхъ свидѣтельствъ. Далѣе, ему подсудны всѣ иски безъ ограниченія какою либо опредѣленною стоимостью, касающіеся надѣльныхъ земель, а всѣ прочіе — въ предѣлахъ до трехсотъ рублей, причемъ по

спорамъ о наслѣдствѣ предѣлъ этотъ повышенъ до пятисотъ рублей. Принимая въ соображеніе среднюю состоятельность лицъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, можно смѣло утверждать, что имущественные ихъ споры, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не переступаютъ по цѣнности границъ подсудности волостного суда и, слѣдовательно, вѣдаются общими судами лишь въ видѣ исключенія. На практикѣ разрѣшаемыя волостными судами дѣла о наслѣдственныхъ спорахъ между крестьянами доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. По спорамъ о договорахъ найма и заборахъ товара суду приходится порой разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, такъ какъ одной изъ сторонъ являются нерѣдко торговые люди; по заемнымъ письмамъ волостному суду приходится рѣшать значеніе поручительныхъ и иныхъ надписей; въ дѣлахъ объ арендахъ и о сносѣ построекъ—разбирать чертежи и планы».

Въ пользу изданія для крестьянскихъ судовъ съ обширной компетенціей особыхъ кодексовъ процессуальнаго и матеріальнаго права мало убѣдителенъ и другой приводимый доводъ о томъ, что изложеніе этихъ кодексовъ можетъ быть принаровлено къ уровню пониманія необразованныхъ и даже безграмотныхъ крестьянъ, составляющихъ судебную коллегію этого своеобразнаго суда. Казалось бы, что доводъ этотъ говоритъ только въ пользу того, что не слѣдуетъ поручать отправленія правосудія невѣжественнымъ судьямъ. Къ тому же можно быть впередъ увѣреннымъ, что и въ такомъ популярномъ изложеніи законовъ процессуальнаго и матеріальнаго права судьи изъ крестьянъ мало что въ нихъ поймутъ.

Такіе законы, примѣняемые судами, состоящими изъ однихъ крестьянъ и чиновниковъ, при неизбѣжномъ «непостоянствѣ произвольныхъ толкованій» пятидесяти

административныхъ учрежденій верховнаго кассаціонаго суда,—не могутъ содѣйствовать водворенію твердаго правопорядка въ стомилліонной массѣ русскаго сельскаго населенія.

Только распространеніемъ на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ, предусматривающихъ особенности ихъ землепользованія на надѣльныхъ земляхъ, съ подчиненіемъ ихъ вѣдѣнію общихъ судовъ, — вопросъ о водвореніи прочнаго правопорядка въ стомилліонной массѣ земледѣльческаго населенія Россіи разрѣшается въ согласіи съ элементарными требованіями публичнаго права объ организаціи властей и съ русскими историческими традиціями отъ начала государственности на Руси и до изданій законоположеній 12 іюля 1889 г., а также въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ, конечными цѣлями и буквальнымъ содержаніемъ подлежащихъ статей Положеній 19 февраля 1861 г.

Послѣ упраздненія лишившихся своей компетенціи особыхъ органовъ правительственной власти для управленія крестьянами и съ передачею судебнымъ учрежденіямъ дѣлъ судебныхъ, *должности земскаго начальника можетъ быть присвоено значеніе начальника мѣстнаго участковаго управленія, представителя правительственной власти, выдвинутой въ глубь уѣздовъ.*

Это послѣдовало бы въ полномъ соотвѣтствіи съ основными началами освободительной реформы 1861 г. въ цѣли которой вовсе не входило создавать для управленія крестьянами особые органы власти, ни тѣмъ менѣе облекать ихъ судебною властью. Повторяю, что на основаніи 20 статьи Общаго Положенія о крестьянахъ мировые посредники и стоящія надъ ними крестьянскія установленія были учреждены временно и съ нарочитой

цѣлью «приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и для разрѣшенія особыхъ дѣлъ, возникающихъ изъ обязательныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами».

Равноправность крестьянъ съ лицами другихъ сословій государства составляетъ прямое, естественное послѣдствіе ихъ освобожденія.

Только оставаясь на почвѣ этого основного положенія, возможно разрѣшить крестьянскій вопросъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ въ согласіи съ насущными потребностями сельскаго населенія нашей земледѣльческой страны, а слѣдовательно и съ общими государственными интересами.

При этомъ лишь условіи можно помышлять о благоустроеніи управленія и суда въ сельскихъ мѣстностяхъ, о такихъ учрежденіяхъ, гдѣ каждая власть оказалась бы на своемъ мѣстѣ и дѣлала бы свое дѣло. О сколько нибудь серьезной мѣстной реформѣ не можетъ быть и рѣчи, пока для правильно устроенныхъ и согласованныхъ между собою участковыхъ, уѣздныхъ и губернскихъ установленій не будетъ очищено мѣсто изъподъ существующаго нагроможденія крестьянскихъ сословныхъ учрежденій и правительственныхъ органовъ для управленія крестьянами.

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ Т-ва «Общественная Польза», СПБ., Б. Подъяческая, 39.